

В. ПИРОЖКОВА

Пятидесятилетие

В день 50-летия был повторен выстрел «Авроры», были показаны новые достижения в космических полетах и была еще раз заново переписана история партии. Партии, которая никогда не ошибается, партии, которая приняла правильное решение индустриализировать и коллективизировать страну, хотя это и стоило «некоторых» человеческих жертв, партия, не останавливавшаяся перед миллионами этих самых жертв, партия пресмыкавшаяся перед Сталиным, партия его развенчавшая и его снова восстановившая, партия, опять ставшая «авангардом пролетариата» после того как Брежнев похоронил мечты Хрущева о «народном государстве», партия, раздувающая «мировой пожар» руками миллионов агентов и обманутых идеалистов, партия, захватившая в русское распустье 1917 года власть, которая по словам Ленина «лежала на земле, и за которой стоило только нагнуться», партия, которая с тех пор из своих рук этой диктаторской власти не выпускала, — эта партия празднует 50-летний юбилей своей власти. Она многого достигла. Из маленькой группы профессиональных революционеров с фанатической волей к власти она превратилась в господина второй по мощи мировой державы. Она вмешивается в дела всех стран и народов, ее боятся. И теперь она готовится к постепенному захвату власти во всем мире, хотя в ее собственном блоке бегут трещины и последняя ставка на мировое господство еще не выиграна. Настоящее испытание огнем еще впереди, испытание на вершине могущества, с которого роковым образом срывались до сих пор все, кто протягивал руку к владычеству над миром.

Ну, а народ? Что праздновал в этот холодный ноябрьский день русский народ? Он раскололся в кровавой братоубийственной войне, где одни идеалисты сражались против других, каждый веря в свое правое дело и оставив обывателей отсиживать и ждать, кто победит. Он шел, стиснув зубы, индустриализировать страну, веря в технический прогресс, и он же отчаянно, неумело и безуспешно защищал свое право на землю, на волю, на лучшую долю, которое у него вырвали «мудрые» решения Сталина о коллективизации и поспешной индустриализации. Он шел миллионными этапами по старой Владимирской в тысячи концлагерей, рассыпанных по всему лицу земли русской и ложился костями на стройках Беломорского канала, на лесоповале и многих других тяжелых работах. И он же учился, упорно и настойчиво, с верой и надеждой, что все, что он делает, принесет пользу не партии, а родной стране.

Этот народ вынес на себе страшную войну, защищая родину, а не партию, и в беспримерной в истории трагедии вынес одновременно на себе к победе своего тирана, к победе, выстраданной и завоеванной им, но узурпированной партией.

Все вынес русский народ, вынес и создал своими руками чудеса техники, своей научной работой заставил уважать имена русских ученых, все это не благодаря партии, а несмотря на нее. Создал мировую державу, вопреки всему, что партия нагромождала на его тернистом пути, и с горечью должен смотреть, как та же партия по-прежнему узурпирует его достижения, его мысль, его пот и кровь, хлеб, добытый терпеливым мучеником, рус-

ским крестьянством, загнанным в ненавистные колхозы, узурпирует и разбрасывает для разжигания войн во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, для угрозы другим народам и государствам, для подрывной работы мировой революции во имя господства той же самой партии.

Он должен бессильно смотреть как писатели и поэты, творцы духовного и вечного, шли и идут в концлагери и на смерть. И все же — как только где-нибудь открывалась отдушина, народ снова посылал, один ряд за другим, вперед свои творческие силы. Как молодая зелень неудержимо брызнули во все трещины временной десталинизации эти творческие силы, новые, часто смелые поэты, писатели, художники.

«Сегодня сплошь
Она в поэтах
Шестидесятая Россия».

Ни страх, ни гнет, ни непосильный труд не убили тяги к красоте, любви к поэзии, человечности — или где еще в мире набиваются тысячи людей в зал, чтобы послушать любимого поэта? Где еще сбегаются толпы, слушать поэтов, декламирующих на площади?

Он не озлобился, этот народ, несмотря на все им перенесенное. Не сумев отстоять свои церкви, он не потерял совсем Бога в своем сердце, пронес Его по лагерям и этапам войны, или же как раз там обрел Его снова.

Он ищет правды, этот народ, опутанный толстым слоем лжи. Он рвется к свободе. Он требует все упорнее на деле того, что ему было обещано только на бумаге: свободы слова, свободы творчества, свободы собраний, демонстраций, партий. Он ищет коммуникации со всем остальным миром, от которого его отрезала всемогущая партия.

В день 50-летия партия функционеров и мастеров диктатуры постаралась консолидировать свою власть. Курс снова выровнен, вина за зигзаги генеральной линии свалена по испытанному методу на второстепенных лиц, оправдан Сталин и оправдан одновременно XX съезд, осудивший его. Все противоречия, все срывы, все прегрешения приглажены и уложены в бетонное русло подогнанной под нужную форму истории этих 50-ти лет. Партия снова укрепила почву под своими ногами. Ей нечего больше беспокоиться. В самом деле, нечего?

Под этой заново бетонированной почвой кипит духовное возрождение русского народа, возрождение, подымающееся с такой элементарной силой со всех точек dna под бетонированной покрывной, что задушить его окончательно нельзя. Его можно разве что только временно придавить.

Выстрел «Авроры», семнадцатый год, воспоминание того дня, с которого начался фантастический взлет коммунистической партии. Позавчерашний эмигрант, вчерашний подпольщик Ленин в Смольном, не верящий самому себе, не успевший опомниться, с закружившейся головой от неожиданной полноты власти, — только ли это сладкие воспоминания? Нет ли в них чего-то тревожащего? Не наталкивает ли прошлое на мысли о воз-

можном будущем? Не прячется ли где-то тайная тревога за праздничными минами?

«Довольно, хватит!
Товарищи в Советах,
Вспомните семнадцатый,
Забыли, что ли?»

Слова из подполья — сегодняшнего подполья под бетонированной покрывкой! Люди институционализирова-

вшие революцию, помнят ли они еще, какой она бывает, настоящая революция?

Второе и самое страшное испытание огнем еще предстоит перед лицом народа во второе пятидесятилетие. Первое завершило свой круг, круг героизма и преступлений, мужества и подлости, труда и крови, достижений и срывов, пятидесятилетие страшных экспериментов, слишком новых и необычных, чтобы можно было сразу подвести итог. Но теперь время итогов пришло. Второе пятидесятилетие стоит у двери и требует отчета.

В. ВЕЙДЛЕ

Октябрьские торжества

В юбилейные дни о чем же и размышлять, как не о юбилее, об этом юбилее. Но поразмыслить можно сперва и о юбилеях вообще: в чем их суть, откуда взялись. Мало кто об этом помнит, а вспомнить стоит, тем более, что празднуют нынче юбилей в точном смысле слова, пятидесятью, а не какую-нибудь другую годовщину. Некогда только пятидесятилетия годовщины юбилеями и звались. Англичане и нынче называют двадцатипятилетие серебряным юбилеем, а шестидесятилетие со дня восшествия на престол королевы Виктории называли они ее брильянтовым юбилеем. Когда же просто о юбилее говорят, разумеют «нормальный», золотой.

Так отличают и у нас золотую свадьбу от серебряной и (весьма редко справляемой) брильянтовой, но точное свое значение относительно числа лет слово «юбилей» у нас утратило: требует только круглого и не слишком малого их числа. Помимо этого круглого счета — прикрепленного к определенной цифре или нет — означает оно во всех новых языках только еще празднование годовщины, не больше; но столь бедным стал его смысл лишь в сравнительно поздние времена.

Слово это — древнееврейское: *yobel*, первоначальный смысл которого «баран», а затем бараний рог и трубный его звук, возвещавший наступление пятидесятой годовщины. В греческом переводе Библии слово это, в качестве прилагательного («юбилейный»), получило форму *iobelaios*, а в латинском *jubilaeus* (*jubilaeus annus* — юбилейный год) через сближение с исконным латинским словом *jubilum*, значившим «возглас» или «крик». Юбилейные празднования и громогласия были тем самым закреплены в слове, для всех позаимствовавших его позднейших языков, но какая именно радость провозглашается при объявлении пятидесятой годовщины, об этом само это слово не сообщает ничего. Узнать это, однако, не трудно: стоит только раскрыть Библию на той странице, где наши предки слово это нашли и сквозь века передали всем нам.

Двадцать пятая глава третьей книги Моисеевой, называемой также «Книга Левит», начинается так: «И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: когда придете в землю, которую Я даю вам, тогда земля должна покоиться в субботу Господню. Шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезывай виноградник твой (...), а в седьмой год да будет (...) суббота Господня; поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезывай...» Далее идет предписание на более долгий срок: «И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет. И воструби трубою в седьмой месяц, в десятый день месяца, в день очищения вострубите трубою по всей земле вашей. И освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилей (...), священным да будет он для вас». Следуют постановления насчет различных юбилейных льгот. Заложенные земли на пятидесятом году возвращаются, даже и без выкупа, прежнему владельцу. Впавший в нищету и продавший себя в рабство обретает свободу в юбилейный год: «Когда обеднеет у тебя брат твой и продан

будет тебе, не налагай на него работы рабской. Он должен быть у тебя как наемник, как поселенец; до юбилейного года пусть работает у тебя, а тогда пусть отойдет он от тебя, сам и дети его с ним, и возвратится в племя свое и вступит опять во владение отцов своих».

Первобытный мир, которому дан был этот закон, далек от нас, и ничто, касающееся жизни его, непосредственно к условиям нынешней жизни не приложимо. Но мы все-таки видим: ветхозаветные трубы трубили, возвещая юбилей, не просто для того, чтобы люди правителей своих или самих себя хвалили и поздравляли, — вот, мол, какие вы (или мы) молодцы и чего достигли за пятьдесят лет. Заповедано было тому древнему народу: вострубите трубою в день очищения, и объявите свободу на земле (т.е. в стране вашей) всем жителям ее. Ничего подобного в нашей стране, справляющей свою золотую свадьбу с «Октябрем», т.е. с нынешним режимом, сказано не будет. Свобода у нас объявлена давно, но объявлена лживо: ни свободы совести, ни свободы слова, ни свободы личности в нынешней России нет, как нет и свободных выборов, то есть политической свободы. Я понимаю, конечно, что в библейском тексте, мною приведенном, не об этих свободах была речь, но говорилось там все же о свободе сравнительно с неволей, о юбилейном провозглашении свободы, отменяющей неволю. В этой отмене и вся радость, вся суть того юбилея, — того, но никак не нашего.

И еще другого, очень важного не хватает нынешнему юбилею по сравнению с тем, первобытным, откуда пошло и само это слово «юбилей». Трубный глас возвещал то древнее всенародное торжество *в день очищения* и тем самым объявлял его очистительным, облегчающим совесть торжеством. В чем состояло или что означало очищение для еврейства (как и для других стародавних народов) нам незачем нынче и вспоминать: понятие это шире и глубже, чем различные толкования его, обнаруживаемые историей. Очищение, в любые времена, есть проверка содеянных дел, суд над прошлым, своим или своей страны, и осуждение в нем того, что совесть наша требует осудить. Осуждая деяния эти, мы сами себе и всем другим обещаем в будущем их не повторять. Если злые дела эти — наши, мы от них очищаемся покаянием и той карой за них, справедливость которой мы сами признаем. Если же мы приписываем их одному или нескольким среди нас, то мы очищаемся, мы смываем не вину, но подозрение в вине ясным осуждением виновных и отделением их от себя, после которого, говоря «мы», уже не включаем их в это «мы». Совсем неверно было бы все это считать чем-то сданным давно в архив, нашему веку чуждым, нынешней России и вовсе неизвестным. Именно у нас в стране ее хозяева, сегодняшние юбиляры, дважды начинали очистительный обряд, — жаль только, что до конца так его и не довели, то и дело с тех пор пятились назад, и никакого намерения не обнаружили использовать юбилей для окончательного суда над всем тем в их прошлом, что всего

больше — как сказали бы некогда — к небу вопиет и остается все-таки неосужденным.

✱

Вострубили трубы — о нет, не юбилейные, до юбилей еще было далеко — иерихонские скорей — и очищение началось: пали памятники Сталина. Это было крупнейшим событием, если не в истории России (она пережила войну), то в истории СССР, поскольку он не то же самое, что Россия, и уж, конечно, в истории КП СССР, т.е. Партии и Правительства, а также всех других, зависящих от этих двух «пэ», партий и правительств. Не только мумию номер два убрали из мавзолея, но и бесчисленные изваяния Вождя подверглись разрушению везде, где их почитали, за исключением Китая, Албании и, кажется, Грузии. Верноподданный товарищ Ульбрихт, получив приказ, отдал в свою очередь приказ, и прохожие стали ухмыляться, глядя на пустое место: громоздкого берлинского монумента как не бывало. Товарищ менее верноподданный, Тольятти, выразил было недоумение насчет Сталинграда-Волгограда, но не послушался начальства и он. Народы отреклись от Отца Народов, уничтожили его изображения, предали проклятию его память. Разрешения на все это пришлось им, однако, долго ждать. Еще и нынче отнюдь не ясно, существует ли полностью такое разрешение.

Сперва великий полководец, гениальный языковед и благодетель человеческого рода опочил в Кремле, — возможно, что не без помощи ретивейших своих приверженцев. Затем его громогласно оплакивали и рыдая водворяли набальзамированный его труп куда нужно, по соседству с Ильичем. Вострубили трубы впервые на двадцатом съезде, но как-то нерешительно; развенчали тогда венценосца лишь наполовину; портреты поубрали (и то не везде), памятники оставили. Затем, на двадцать втором съезде, вострубили в трубу еще раз: величайшего *человечейшего* (по слову Шолохова) из всех людей *объявили* извергом, каким он, как все знали, и был. Танцевавший некогда, для хозяйской забавы, трепака возвестил открытие: хозяин, оказывается, погубил множество ни в чем перед ним неповинных членов Партии (о простых смертных — туда им и дорога — не нашли нужным упоминать). Наконец, к десятилетию его кончины был впервые опубликован рассказ о том, как в лагерях замучивали людей верные его слуги. Кой-чего, таким образом, дождался, но далеко не всего. О рассказе велено было забыть и больше на такие темы не распространяться. Изверга извергом называть можно было раз, но не два. Ежели ты его бранишь, смотри, как бы из Партии тебе не вылететь. . . Не дотрубили трубы. . . В былые, далекие времена, в другой империи, римской, дела этого рода делались крепче и быстрее.

Когда был убит заговорщиками, в 96 году нашей эры, император Домициан, случилось следующее: Узнав о смерти ненавистного им властителя, сенаторы, по словам современника, «до того обрадовались, что толпою бросились в курию, стали бранить мертвеца самыми оскорбительными для него словами, и тут же распорядились, чтобы принесены были лестницы, сняты со стен все его изображения, брошены на пол и разбиты, а также повелели, чтобы имя его было стерто со всех надписей и чтобы полностью была уничтожена всякая о нем память».

Так повествует Светоний в «Жизнеописании двенадцати цезарей», но то, что там описано, вовсе не единичный случай. После смерти, чаще всего насильственной, особенно деспотических и кровожадных самодержцев, их заместители — по наущению которых тиранубийство обычно и совершалось — приглашали, если считали это нужным, сенат объявить проклятие памяти убитого. Проклятие или посмертное осуждение это обозначалось в римском праве особым термином *damnatio memoriae* и выражалось в запрете погребения, в запрете траура, даже семейного, по умершем и в предписании изъять и уничтожить все его портретные изображения, как и стереть его имя на всех надписях, где оно было высечено или выгравировано в

годы, когда он находился у власти. Работа выполнялась весьма тщательно. Иногда и монеты с профилем осужденного императора подвергались переплавке.

Тридцать лет тому назад, в Риме, при работах по ремонту знаменитого дворца папской канцелярии, были найдены глубоко в земле две больших мраморных доски, разбитые на несколько кусков, с очень искусно выполненным рельефным изображением императора Домициана, его приближенных и членов его семьи. Их можно видеть теперь в верхнем дворике ватиканского музея, там, где начинается для публики его осмотр. Эти монументальные портреты были разбиты и зарыты в землю после осуждения памяти императора. Больше чем через столетие после того, уничтожению подверглись многие изображения Каракаллы, память которого, после его убийства, точно так же была осуждена. В свое время, по его распоряжению, выскреблены были отовсюду (например, с так называемой арки аргентариев в Риме) портреты убитого им брата его, Геты, о чьей внешности мы можем судить лишь по немногим монетам и бюстам. Изображений Каракаллы сохранилось больше. Он был свирепый и тупоумный выродок, но солдатам жалованье повысил и выплачивал его исправно. Они-то и постарались уберечь его образ от забвения.

Быть может и память Сталина охраняют донныне те, кому он (в той или иной форме) повысил жалованье, и кому еще и теперь это жалованье выплачивается исправно. Дело, конечно, не в самой памяти — ведь и Домициан не был забыт, ведь и Каракаллу в Риме долго помнили; дело лишь в том, осуждена ли эта память решительно и бесповоротно, или нет. И еще важнее, за что именно осуждена, и осуждено ли это «что» столь же решительно, как виновное в нем лицо, подвергшееся *damnatio memoriae*.

Особа императора в Риме была священна. Священны были и его изображения. Культ личности сопровождался культом портретов этой личности. Так и при Сталине: попробовал бы кто-нибудь пусть лишь показать кулак на людях его портрету. Да и после смерти. . . Хорошо, что портретов не видать. . . Но разве все его злодеяния разоблачены? Молчат, и велят молчать еще о многом. «Кумир поверженный — все бог». Обломки идола остаются идолом. А поклонявшиеся идолу остаются у власти и восхваляют нынче пятидесятилетие, большая часть которого прошла для них в ползание перед сталинским престолом.

В Риме императора сменял другой император. По его требованию память его предшественника и предавалась в иных случаях проклятию. Культ гнусной личности заменялся культом новой личности. Почти с каждым царствованием становился он строже, церемониальней. А в Москве? Там возвратились, по-видимому, от военных караулов и дворцов-крепостей Диоклециана к лицемерной гражданственности Клавдиева дома, той полудинастии, к которой все же принадлежали и Калигула и Нерон. Московские олигархи играют в дуумвиров или триумвиров, и культ воздается каждому из них умеренный. Но посмертный культ личностей — похуже, чем у римлян, — при них процветает. Поклоняются они и подданных принуждают поклоняться, с превеликим усердием, мертвецам. Не тому одному, кто Сталину дорогу открыл и чья мумия осталась в мавзолее, но и его заплочных дел мастеру Держинскому, палачу литературы и прочих искусств Жданову, мелким божкам из породы доносчиков и шпионов, да и обломкам того же Сталина, или пьедесталу, с которого он был сброшен, но который построен был не им.

Трубили, трубили юбилейные трубы, но кумиры не рухнули, а потому и не обвалились стены той тюрьмы, где томится, откуда жаждет вырваться Россия.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Духи русской революции

Строки Бердяева о Достоевском и русской революции написаны почти пятьдесят лет тому назад, в самом начале этой разразившейся над Россией трагедии.*) И тем не менее, почти все полностью актуально и до сих пор: атеизм русской революции, ее духовный нигилизм, выражающийся в цинизме сознательной лжи, искушение «Великого Инквизитора», ставшее искушением русского социализма, желание «исправить творение Бога», неизбежно выражающееся на практике в насилии над природой человека, в муравейнике и, наконец, шигалевщина — переход анархической распущенности первых дней в жестокую диктатуру, длящуюся до сего дня: «Выходя из безграничной свободы я закончил безграничным деспотизмом». Все это есть и до сих пор. Только уравниловки не получилось, попробовали было в начале, да ничего не вышло. Здесь победила низшая сторона человеческой природы — человеческий эгоизм. Новый класс вышел наверх, класс партийной и бюрократической верхушки, директоров промышленности, советского мещанства и советской буржуазии, по свидетельству Милована Джиласа — самого отвратительного и душевно мелкого эксплуататорского слоя, какой только был в истории.

Не вышло и другое. «Гор» не сравнивали, науки не уничтожили — и здесь попробовали было запрещать теорию относительности и другие достижения естественных наук, но как можно было без естественных наук строить военную машину? Да, и не дал русский гений манипулировать науку. Пока философия и гуманитарные науки еще загнаны в подполье марксизма, русский гений ищет и находит выход в естественных науках. Но и в литературе, литературоведении, истории и совсем пока робко в философии он ищет отдушину, не только ищет, но и сам пробивает эти отдушину. Нет, тотальная шигалевщина все же не удалась, не могла удасться. Второе пятидесятилетие после октябрьского переворота должно быть посвящено в России полной ликвидации большевицкой шигалевщины, все еще там господствующей. Будем в это верить.

Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Пушкин

Введение

С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности. Не легко улавливается связь нашего настоящего с нашим прошлым. Слишком изменилось выражение лиц русских людей, за несколько месяцев оно сделалось неузнаваемым. При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми. Долгий исторический путь ведет к революциям, и в них открываются национальные особенности даже тогда, когда они наносят тяжелый удар национальной мощи и национальному достоинству. Каждый народ имеет свой стиль революционный, как имеет и свой стиль консервативный. Национальна была английская революция, и столь же национальна революция французская. В них узнается прошлое Англии и Франции. Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом, он вносит в революцию свои грехи и пороки, но также и свою способность к жертве и к энтузиазму. Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп.

Но и в этом антинациональном ее характере отразились национальные особенности русского народа и стиль нашей несчастливой и губительной революции — русский стиль. Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер. Духи русской революции — русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу. Призрачность ее — характерно русская одержимость. Революция, происходящая на поверхности жизни, ничего существенного никогда и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях. Революция всегда есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые, знакомые лица. Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысления опыта революции. На поверхности все кажется новым в русской революции — новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы, новые формулы господствуют над жизнью; те, которые были внизу, возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз; властвуют те, которые были гонимы, и гонимы те, которые властвовали; рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию. Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину. Там узнаете вы старую Россию, встретите старые, знакомые лица. Бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России и играют в ней немалую роль, они подобрались к самым вершинам власти. Метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определяют внутренний ход революции. Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией не трудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи. Всякий народ в любой момент своего существования живет в разные времена и разные века. Но нет народа, в котором соединялись бы столь разные возрасты, который так совмещал бы XX век с XIV веком, как русский народ. И эта разновозрастность есть источник нездоровья и помеха для цельности нашей национальной жизни.

Великим писателям всегда открывались образы национальной жизни, имеющие значение существенное и непреходящее. Россия, раскрывавшаяся ее великим писателям, Россия Гоголя и Достоевского, может быть обнаружена и в русской революции, и в ней столкнетесь вы с основными оценками, predeterminedными Л. Толстым. В образах Гоголя и Достоевского, в моральных оценках Толстого можно искать разгадки тех бедствий и несчастий, которые революция принесла нашей родине, познания духов, владеющих революцией. У Гоголя и Достоевского были художественные прозрения о России и русских людях, превышающие их время. По-разному раскрывалась им Россия, художественные методы их противоположны, но у того и у другого было поистине что-то пророческое для России, что-то проникающее в самое существо, в самые тайники природы русского человека. Толстой, как художник, для нашей цели не интересен. Россия, раскрывавшаяся его великому художеству, в русской революции разлагается и умирает. Он был художником статики русского быта, дворянского и крестьянского, вечно же открывалось ему, как художнику, лишь в элементарных природных стихиях. Толстой более космичен, чем антропологичен. Но в русской революции раскрылся и по-своему восторжествовал другой Толстой — Толстой моральных оценок, обнаружилось толстовство, как характерное для русских мирозерцание и мировоззрение. Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими — бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестия, бес отрицания, бес непротивления и многие, многие другие. Все это нигилистические бесы, давно уже терзающие Россию. В центре для меня стоят прозрения Достоевского, который пророчески

*) Из глубины. Сборник статей о русской революции. 1-е издание: Москва, 1918; 2-е издание: Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1967.

раскрыл все духовные основы и движущие пружины русской революции.

Достоевский в русской революции

Если Гоголь в русской революции не сразу виден и сама постановка этой темы может вызвать сомнения, то в Достоевском нельзя не видеть пророка русской революции. Русская революция пропитана теми началами, которые прозревал Достоевский и которым дал гениально острое определение. Достоевскому дано было до глубины раскрыть диалектику русской революционной мысли и сделать из нее последние выводы. Он не остался на поверхности социально-политических идей и построений, он проник в глубину и обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный. Так удалось ему религиозно постигнуть природу русского социализма. Русский социализм занят вопросом о том, есть ли Бог или нет Бога, и Достоевский предвидел, как горьки будут плоды русского социализма. Он обнажил стихию русского нигилизма и русского атеизма, совершенно своеобразного, не похожего на западный. У Достоевского был гениальный дар раскрытия глубины и обнаружения последних пределов. Он никогда не остается в середине, не останавливается на состояниях переходных, всегда влечет к последнему и окончательному. Его творческий художественный акт апокалиптичен, и в этом он — поистине русский национальный гений. Метод Достоевского иной, чем у Гоголя. Гоголь более совершенный художник. Достоевский прежде всего великий психолог и метафизик. Он вскрывает зло и злых духов изнутри душевной жизни человека и изнутри его диалектики мысли. Все творчество Достоевского есть антропологическое откровение, — откровение человеческой глубины, не только душевной, но и духовной глубины. Ему раскрываются те мысли человеческие и те страсти человеческие, которые представляются уже не психологией, а онтологией человеческой природы. У Достоевского, в отличие от Гоголя, всегда остается образ человека и раскрывается судьба человека изнутри. Зло не истребляет окончательно человеческого образа. Достоевский верит, что путем внутренней катастрофы зло может перейти в добро. И потому творчество его менее жутко, чем творчество Гоголя, которое не оставляет почти никакой надежды.

На Достоевском, величайшем русском гении, можно изучать природу русского мышления, его положительные и отрицательные полюсы. Француз — догматик или скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном полюсе. Немец — мистик или критик, мистик на положительном полюсе и критик на отрицательном. *Русский же — апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе.* Русский случай — самый крайний и самый трудный. Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалиптически и нигилистически. Культура может иметь под собой глубину, догматическую и мистическую, но она предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное. Апокалиптическое и нигилистическое самочувствие свергает вск середине жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. Эти противоположности легко переходят друг в друга. Апокалиптичность легко переходит в нигилизм, может оказаться нигилистической по отношению к величайшим ценностям земной исторической жизни, ко всей культуре. Нигилизм же неуловимо может приобрести апокалиптическую окраску, может казаться требованием конца. И у русского человека так перемешано и так спутано апокалиптическое и нигилистическое, что трудно бывает различить эти полярно противоположные начала. Не легко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему тре-

бует он абсолютного обнищания из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира. У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом. То же происходит и в русской интеллигенции. Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это — глубоко национальная черта. Это создает почву для смешений и подмен, для лжерелигий. В самом русском атеизме есть что-то от духа апокалиптического, совсем не похожее на атеизм западный. И в русском нигилизме есть лжерелигиозные черты, есть какая-то обратная религия. Это многих соблазняет и вводит в заблуждение. Достоевский до глубины раскрыл апокалипсис и нигилизм в русской душе. Поэтому он и угадал, какой характер примет русская революция. Он понял, что революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных революций. Русская революция — феномен религиозного порядка, она решает вопрос о Боге. И это нужно понимать в более глубоком смысле, чем понимается антирелигиозный характер революции французской или религиозный характер революции английской.

Для Достоевского проблема русской революции, русского нигилизма и социализма, религиозного по существу, это — вопрос о Боге и о бессмертии. «Социализм есть не только рабочий вопрос или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю» («Братья Карамазовы»). Можно было бы даже сказать, что вопрос о русском социализме и нигилизме — вопрос апокалиптический, обращенный к всеразрешающему концу. Русский революционный социализм никогда не мыслился, как переходное состояние, как временная и относительная форма устройства общества, он мыслился всегда, как окончательное состояние, как царство Божие на земле, как решение вопроса о судьбах человечества. Это — не экономический и не политический вопрос, а прежде всего вопрос духа, вопрос религиозный. «Ведь русские мальчики как до сих пор орудут? Вот, например, здешний вонючий трактор, вот они и сходятся, засели в угол... О чем они будут рассуждать? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца». Эти русские мальчики никогда не были способны к политике, к созиданию и устройству общественной жизни. Все перемешалось в их головах, и, отвергнув Бога, они сделали Бога из социализма и анархизма, они захотели переделать все человечество по новому штату и увидели в этом не относительную, а абсолютную задачу. Русские мальчики были нигилисты-апокалиптики. Начали они с того, что вели бесконечные разговоры в вонючих тракторах. И трудно было поверить, что эти разговоры о замене Бога социализмом и анархизмом и о переделке всего человечества по новому штату могут стать определяющей силой в русской истории и сокрушить Великую Россию. Русские мальчики давно уже провозгласили, что все дозволено, если нет Бога и бессмертия. Осталось блаженство на земле, как цель. На этой почве и вырос русский нигилизм, который казался многим наивным и благожелательным людям очень невинным и милым явлением. Многие даже видели в нем нравственную правду, но искаженную умственным заблуждением. Даже Вл. Соловьев не понял опасности русского нигилизма, когда шутливо формулировал credo русских мальчиков таким образом: «человек произошел от обезьяны, следовательно, будем любить друг друга». Достоевский глубже проник в тайники русского нигилизма и почувствовал опасность. Он раскрыл

диалектику русского нигилизма, его сокровенную метафизику.

Философом русского нигилизма и атеизма является Иван Карамазов. Он провозглашает бунт против Бога и против Божьего мира из очень высоких мотивов, — он не может примириться с слезинкой невинно замученного ребенка. Иван ставит Алексе вопрос очень остро и радикально: «Скажи мне сам прямо, я зову тебя, отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для того необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание: согласился бы ты быть архитектором на этих условиях?» Иван ставит тут вековую проблему о цене истории, о допустимости тех жертв и страданий, которыми покупается создание государств и культур. Это вопрос русский по преимуществу, проклятый вопрос, который русские мальчики предъявили всемирной истории. В вопрос этот был вложен весь русский моральный пафос, оторванный от религиозных истоков. На вопросе этом морально обосновался русский революционно-нигилистический бунт, который и провозглашает Иван. «В окончательном результате я мира этого Божьего — не принимаю, и хоть я знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять». «Для чего признавать это чертвое добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к Боженке». «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к Боженке... Я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу... Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратит обратно... Не Бога я не принимаю, а только билет Ему почтительнейше возвращаю». Тема, поставленная Иваном Карамазовым, сложна, и в ней переплетаются несколько мотивов. Устами Ивана Карамазова Достоевский произносит суд над позитивными теориями прогресса и над утопиями грядущей гармонии, воздвигнутой на страданиях и слезах предшествующих поколений. Весь прогресс человечества и все грядущее его совешенное устройство ничего не стоят пред несчастной судьбой каждого человека, самого последнего из смертных. В этом есть христианская правда. Но острота вопроса, поставленного Иваном, совсем не в этом. Он ставит вопрос свой не как христианин, верующий в божественный смысл жизни, а как атеист и нигилист, отрицающий божественный смысл жизни, видящий лишь бессмыслицу и неправду с ограниченной человеческой точки зрения. Это — бунт против божественного миропорядка, непринятие человеческой судьбы, определенной Божьим промыслом. Это — распря человека с Богом, нежелание принять страдание и жертвы, постигнуть смысл нашей жизни, как искупление. Весь бунтующий ход мыслей Ивана Карамазова есть проявление крайнего рационализма, есть отрицание тайны человеческой судьбы, непостижимой в пределах и границах этого отрывка земной, эмпирической жизни. Рационально постигнуть в пределах земной жизни, почему был замучен невинный ребенок, невозможно. Самая постановка такого вопроса — атеистична и безбожна. Вера в Бога и в Божественный миропорядок есть вера в глубокий, сокровенный смысл всех страданий и испытаний, выпадающих на долю всякого существа в его земном странствовании. Утереть слезинку ребенка и облегчить его страдания есть дело любви. Но пафос Ивана не любовь, а бунт. У него есть ложная чувствительность, но нет любви. Он бунтует потому, что не верит в бессмертие, что для него все исчерпывается этой бессмысленной

эмпирической жизнью, полной страданий и горя. Типичный русский мальчик, он принял западные отрицательные гипотезы за аксиомы и поверил в атеизм.

Иван Карамазов — мыслитель, метафизик и психолог, и он дает углубленное философское обоснование смутным переживаниям неисчислимого количества русских мальчиков, русских нигилистов и атеистов, социалистов и анархистов. В основе вопроса Ивана Карамазова лежит какая-то ложная русская чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку, доведенное до ненависти к Богу и божественному смыслу мировой жизни. Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях. В нигилистическом морализме русского человека нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов жизни, нет жертвоспособности и отречения от произвола. Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более, чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире. Невероятная притязательность характерна для этого душевного типа. Из истории, которую русские мальчики делали Богу по поводу слезинки ребенка и слез народа, из их возвышенных разговоров по трактирам родилась идеология русской революции. В ее основе лежит атеизм и неверие в бессмертие. Неверие в бессмертие порождает ложную чувствительность и сострадательность. Бесконечные декларации о страданиях народа, о зле государства и культуры, основанных на этих страданиях, вытекали из этого богоборческого источника. Само желание облегчить страдание народа было праведно, и в нем мог обнаружиться дух христианской любви. Это и ввело многих в заблуждение. Не заметили смещения и подмены, положенных в основу русской революционной морали, антихристовых соблазнов этой революционной морали русской интеллигенции. Заметил это Достоевский, он вскрыл духовную подпочву нигилизма, заботящегося о благе людей, и предсказал, к чему приведет торжество этого духа. Достоевский понял, что великий вопрос об индивидуальной судьбе каждого человека совершенно иначе решается в свете сознания религиозного, чем в тьме сознания революционного, претендующего быть лже-религией.

Достоевский раскрыл, что природа русского человека является благоприятной почвой для антихристовых соблазнов. И это было настоящим открытием, которое и сделало Достоевского провидцем и пророком русской революции. Ему дано было внутреннее видение и видение духовной сущности русской революции и русских революционеров. Русские революционеры, апокалиптики и нигилисты по своей природе, пошли за соблазнами антихриста, который хочет осчастливить людей, и должны были привести соблазненный ими народ к той революции, которая нанесла страшную рану России и превратила русскую жизнь в ад. Русские революционеры хотели всемирного переворота, в котором сгорит весь старый мир с его злом и тьмой и с его святынями и ценностями и на пепелище подымется новая, благодатная для всего народа и для всех народов жизнь. На меньшем, чем всемирное счастье, русский революционер помириться не хочет. Сознание его апокалиптично, он хочет конца, хочет завершения истории и начала процесса сверхисторического, в котором осуществится царство равенства, свободы и блаженства на земле. Ничего переходного и относительного, никаких ступеней развития сознания это не допускает. Русский революционный максимализм и есть своеобразная, извращенная апокалиптика. Обратной стороной ее всегда является нигилизм. Нигилистическое истребление всего множественного и относительного исторического мира неизбежно распространяется и на абсолютные духовные основы истории. Русский нигилизм не принимает самого источника исторического процесса, который заложен в божественной действительности, он бунтует против божественного миропорядка, в котором задана исто-

рия со своими ступенями, со своей неотвратимой иерархичностью. У самого Достоевского были соблазны русского максимализма и русского религиозного народничества. Но была в нем и положительная религиозная сила, сила пророческая, помогавшая ему раскрыть русские соблазны и изболтать их. Рассказанная русским атеистом Иваном Карамазовым «Легенда о Великом Инквизиторе», по силе и глубине своей сравнима лишь с священными письменами, раскрывает внутреннюю диалектику антихристовых соблазнов. То, что Достоевский давал антихристовым соблазнам католическое обличье, не существенно и должно быть отнесено к его недостаткам и слабостям. Дух Великого Инквизитора может являться и действовать в разных обличьях и формах, он в высшей степени способен к перевоплощению. И Достоевский отлично понимал, что в революционном социализме действует дух Великого Инквизитора. Революционный социализм не есть экономическое и политическое учение, не есть система социальных реформ, — он претендует быть религией, он есть вера, противоположная вере христианской.

Религия социализма вслед за Великим Инквизитором принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне во имя свободы человеческого духа. Религия социализма принимает соблазн превращения камней в хлеб, соблазн социального чуда, соблазн царства этого мира. Религия социализма не есть религия свободных сынов Божьих, она отрекается от первородства человека, она есть религия рабов необходимости, детей праха. Религия социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей». «Мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим их жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. Мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны». «Мы дадим им счастье слабосильных существ, какими они и созданы». Религия социализма говорит религия Христа: «Ты гордишься Твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех... У нас все будет счастливо... Мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей». Религия социализма, подобно Великому Инквизитору, упрекает религию Христа в недостаточной любви к людям. Во имя любви к людям и сострадания к людям, во имя счастья и блаженства людей на земле эта религия отвергает свободную, богоподобную природу человека. Религия хлеба небесного — аристократическая религия, это — религия избранных, религия «десяток тысяч великих и сильных». Религия же «остальных миллионов, многочисленных, как песок морской, слабых» — есть религия хлеба земного. Эта религия написала на знамени своем: «накорми, тогда и спрашивай с них добродетели». Достоевский гениально прозрел духовные основы социалистического муравейника. Он религиозно познал, что социалистический коллективизм есть лже-соборность, лже-церковь, которая несет с собой смерть человеческой личности, образу и подобию Божьему в человеке, конец свободе человеческого духа. Самые сильные и огненные слова были сказаны против религии социализма Достоевским. И он же почувствовал, что для русских социализм есть религия, а не политика, не социальные реформирование и строительство. Что диалектика Великого Инквизитора может быть применена к религии социализма и применялась самим Достоевским, видно из того, что многие революционеры у него повторяют ход мыслей Великого Инквизитора. То же самое говорит и Петр Верховенский, и на том же базисе построена шига-левщина. Эти мысли были еще у героя «Записок из подполья», когда он говорил «о джентльмене с насмешливой и ретроградной физиономией», который испровергнет все грядущее социальное благополучие, весь благоустроенный муравейник будущего. И герой «Записок из подполья» противопоставляет этому социалистическому муравейнику свободу человеческого духа. Достоевский — религиозный враг социализма, он изболтатель религиозной лжи и религиозной опасности социализма. Он один из первых почувствовал в социализме дух антихриста. Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обличьем добра и человеколюбия. И он же по-

нял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптичности своей природы. Вражда Достоевского к социализму менее всего означает, что он был сторонником и защитником какого-либо «буржуазного» строя. Он даже исповедывал своеобразный православный социализм. Но дух этого православного социализма ничего общего не имеет с духом революционного социализма, он во всем ему противоположен. Как почвенник и своеобразный славянофил, Достоевский видел в русском народе противоядие против соблазнов революционного, атеистического социализма. Он исповедывал религиозное народничество. Я думаю, что вся эта религиозно-народническая, почвенно-славянофильская идеология Достоевского была его слабой, а не сильной стороной и находилась в противоречии с его гениальными прозрениями, как художника и метафизика. Сейчас можно даже прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую принесла ему интеллигенция. Русская революция окончательно сокрушила все иллюзии религиозного народничества, как и всякого народничества. Но иллюзии самого Достоевского не помешали ему раскрыть духовную природу русской религии социализма и предсказать последствия, к которым она приведет. В «Братьях Карамазовых» дана внутренняя диалектика, метафизика русской революции. В «Бесах» дан образ осуществления этой диалектики.

Достоевский открыл одержимость, бесноватость в русских революционерах. Он почувствовал, что в революционной стихии активен не сам человек, что им владеют не человеческие духи. Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как много было все так предвидеть и предсказать. В маленьком городе, во внешне маленьких масштабах давно уже разыгралась русская революция и вскрылись ее духовные первоосновы, даны были ее духовные первообразы. Поводом к фабуле «Бесов» послужило нечаевское дело. Левые круги наши увидели тогда в «Бесах» карикатуру, почти пасквиль на революционное движение и революционных деятелей. «Бесы» были внесены в index книг, осужденных «прогрессивным» сознанием. Понять всю глубину и правду «Бесов» можно лишь в свете иного сознания, сознания религиозного; эта глубина и эта правда ускользают от сознания позитивистического. Если рассматривать этот роман, как реалистический, то многое в нем неправдоподобно и не соответствует действительности того времени. Но все романы Достоевского неправдоподобны, все они написаны о глубине, которую нельзя увидеть на поверхности действительности, все они были пророчеством. Пророчество приняли за пасквиль. Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что «Бесы» — книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, иступленным и вихревым кружением. Это иступленное вихревое кружение и описано в «Бесах». Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской. И началось это иступленное вихревое кружение от того же духа, от тех же начал, от которых пошло оно и в том же маленьком городке. Ныне водители русской революции повели миру русский революционный мессианизм, они несут народам Запада, пребывающим в «буржуазной» тьме, свет с Востока. Этот русский революционный мессианизм был раскрыт Достоевским и понят им, как негатив какого-то позитива, как извращенный апокалипсис, как вывернутый наизнанку положительный русский мессианизм, не революционный, а религиозный. Все герои «Бесов» в той или иной форме проповедуют русский революционный мессианизм, все они одержимы этой идеей. У колеблющегося и раздвоенного Шатова перемешано сознание славянофильское с сознанием революционным. Такими Шатовыми полна русская революция. Все они, как и Шатов

Достоевского, готовы в иступлении выкрикивать, что русский революционный народ — народ-богосеи, но в Бога они не верят. Некоторые из них хотели бы верить в Бога — и не могут; большинство же довольствуется тем, что верит в богоносный революционный народ. В типичном народнике Шатове перемешаны элементы революционные с элементами реакционными, «черносотенными». И это характерно. Шатов может быть и крайним левым и крайним правым, но и в том, и в другом случае он остается народолюбцем, демократом, верующим прежде всего в народ. Такими Шатовыми полна русская революция; у всех у них не разберешь, где кончается их крайняя левость и революционность и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше цивилизации и что никакой закон для нее не писан. Эти люди готовы истребить Россию во имя русского мессианизма. У Достоевского была слабость к Шатову, он в себе самом чувствовал шатовские соблазны. Но силой своего художественного прозрения он сделал образ Шатова отталкивающим и отрицательным.

В центре революционного беснования стоит образ Петра Верховенского. Это и есть главный бес русской революции. В образе Петра Верховенского Достоевский обнажил более глубокий слой революционного беснования, в действительности прикрытый и невидимый. Петр Верховенский может иметь и более благообразный вид. Но Достоевский сорвал с него покровы и обнажил его душу. Тогда образ революционного беснования предстал во всем своем безобразии. Он весь трясется от бесовской одержимости, вовлекая всех в иступленное вихревое кружение. Всюду он в центре, он за всеми и за всех. Он — бес, всеяляющийся во всех и овладевающий всеми. Но и сам он бесноватый. Петр Верховенский прежде всего человек совершенно опустошенный, в нем нет никакого содержания. Бесы окончательно овладели им и сделали его своим послушным орудием. Он перестал быть образом и подобием Божиим, в нем потерян уже лик человеческий. Одержимость ложной идеей сделала Петра Верховенского нравственным идиотом. Он одержим был идеей всемирного переустройства, всемирной революции, он поддался соблазнительной лжи, допустил бесов овладеть своей душой и потерял элементарное различие между добром и злом, потерял духовный центр. В образе Петра Верховенского мы встречаемся с уже распавшейся личностью, в которой нельзя уже нащупать ничего онтологического. Он весь есть ложь и обман и он всех вводит в обман, повергает в царство лжи. Зло есть изолгание бытия, лже-бытие, небытие. Достоевский показал, как ложная идея, охватившая целиком человека и доведшая его до беснования, ведет к небытию, к распадению личности. Достоевский был большой мастер в обнаружении онтологических последствий лживых идей, когда они целиком овладевают человеком. Какая же идея овладела целиком Петром Верховенским и довела личность его до распада, превратила его в лжеца и сеятеля лжи? Это все та же основная идея русского нигилизма, русского социализма, русского максимализма, все та же inferнальная страсть к всемирному уравниванию, все тот же бунт против Бога во имя всемирного счастья людей, все та же подмена царства Христова царством антихриста. Таких бесноватых Верховенских много в русской революции, они повсюду стараются вовлечь в бесовское вихревое движение, они пропитывают русский народ ложью и влекут его к небытию. Не всегда узнают этих Верховенских, не все умеют проникнуть вглубь, за внешние покровы. Хлестаковых революции легче различить, чем Верховенских, но и их не все различают, и толпа возносит их и венчает славой.

Достоевский предвидел, что революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного. Он знал, что немалую роль в ней будет играть Федька-каторжник и что победит в ней *шигалевицина*. Петр Верховенский давно уже открыл ценность Федьки-каторжника для дела русской революции. И вся торжествующая идеология русской революции есть идеология шигалевицины. Жутко в наши дни читать слова Верховенского: «В сущности наше учение есть отрица-

ние чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». И ответ Ставрогина: «Право на бесчестье — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!» И русская революция провозгласила «право на бесчестье» и все побежали за ней. А вот не менее важные слова: «Социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности». Бесчестье и сентиментальность — основные начала русского социализма. Эти начала, увиденные Достоевским, и торжествуют в революции. Петр Верховенский видел, какую роль в революции будут играть «чистые мошенники». «Ну, это, пожалуй, хороший народ, иной раз выгодны очень, но на них много времени идет, неусыпный надзор требуется». И дальше размышляет П. Верховенский о факторах русской революции: «Самая главная сила — цемент все связующий, это стыд собственного мнения. Вот это так сила! И кто это работал, кто этот «миленький» трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают». Это было очень глубокое проникновение в революционную Россию. В русской революционной мысли всегда был «стыд собственного мнения». Этот стыд почитался у нас за коллективное сознание, сознание более высокое, чем личное. В русской революции окончательно угасло всякое индивидуальное мышление, мышление сделалось совершенно безличным, массовым. Почитайте революционные газеты, прислушайтесь к революционным речам, и вы получите подтверждение слов Петра Верховенского. Кто-то потрудились-таки над тем, чтобы «ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове». Русский революционный мессианизм предоставляет собственные идеи и мнения буржуазному Западу. В России все должно быть коллективным, массовым, безличным. Русский революционный мессианизм есть шигалевицина. Шигалевицина движет и правит русской революцией.

«Шигалев смотрел так, как будто ждал разрушения мира и не то, чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого». Все русские революционеры-максималисты смотрят так, как смотрел Шигалев, все ждут разрушения старого мира послезавтра утром. И тот новый мир, который возникнет на развалинах старого мира, есть мир шигалевицины. «Выходя из безграничной свободы, — говорит Шигалев, — я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однакож, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого». Все революционные Шигалевы так говорят и так поступают. Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевицины Ставрогину: «Горы сравнять — хорошая мысль, не смешная. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое». В этих изумительных по своей пророческой силе словах Достоевский устами П. Верховенского приводит все к ходу мыслей Великого Инквизитора. Это доказывает, что в «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевский в значительной степени имел в виду социализм. Достоевский обнаруживает всю призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнивании. Шигалевицина и есть иступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков пе-

перождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнении, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности. Многих наивных и простодушных русских социалистов, мечтавших о социальной революции, смущают торжествующие крики: «Каждый принадлежит всему, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!» Достоевский был более пронзителен, чем признанные учителя русской интеллигенции, он знал, что русский революционизм, русский социализм в час своего торжества должен кончиться этими шигалевскими выкриками.

Достоевский предвидел торжество не только шигалевщины, но и смердяковщины. Он знал, что подымется в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: «я всю Россию ненавижу», «я не только не желаю быть военным гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с». На вопрос: «а когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?», бунтующий лакей ответил: «в двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо кабы нас тогда покорили эти самые французы. умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки». Пораженчество во время войны и было таким явлением смердяковщины. Смердяковщина и привела к тому, что «умная нация» немецкая покоряет теперь «глупую» нацию русскую. Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получал смердяковскую прививку. Смердяков предъявлял право на бесчестье, и за ним многие побежали. Как это глубоко у Достоевского, что Смердяков есть другая половина Ивана Карамазова, обратное его подобие. Иван Карамазов и Смердяков — два явления русского нигилизма, две стороны одной и той же сущности. Иван Карамазов — высокое, философское явление нигилизма; Смердяков — низкое, лакейское его явление. Иван Карамазов на вершине умственной жизни должен породить Смердякова в низинах жизни. Смердяков и осуществляет всю атеистическую диалектику Ивана Карамазова. Смердяков — внутренняя кора Ивана. Во всякой массе человеческой, массе народной больше Смердяковых, чем Иванов. И в революции, как движении масс, количеств, больше Смердяковых, чем Иванов. В революции торжествует атеистическая диалектика Ивана Карамазова, но осуществляет ее Смердяков. Эта он сделал на практике вывод, что «все дозволено». Иван совершает грех в мысли, в духе, Смердяков совершает его на деле, воплощает идею Ивана. Иван совершает отцеубийство в мысли. Смердяков совершает отцеубийство физически, на самом деле. Атеистическая революция всегда совершает отцеубийство, всегда отрицает отчество, всегда порывает связь сына с отцом. И оправдывает она это преступление тем, что отец был очень дурен и грешен. Такое убийственное отношение к отцу всегда есть смердяковщина. Смердяковщина и есть последнее проявление хамства. Совершив на деле то, что Иван совершил в мысли, Смердяков спрашивает Ивана: «Вы вот сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему так встревожены сами-то-с?» Этот вопрос Смердякова Ивану повторяется и в русской революции. Смердяковы революции, осуществив на деле принцип Ивана «все дозволено», имеют основание спросить Ивана революции: «теперь-то почему так встревожены сами-то-с?» Достоевский предвидел, что Смердяков возненавидит Ивана, обучившего его атеизму и нигилизму. И это разыгрывается в наши дни между «народом» и «интеллигенцией». Вся трагедия между Иваном и Смердяковым была своеобразным символом раскрывающейся трагедии русской революции. Проблема о том, все ли дозво-

лено для торжества блага человечества, стояла уже перед Раскольниковым. Старец Зосима говорит: «Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас! Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекший меч погибает мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле». Эти слова — пророческие.

«Люди совокупятся, чтоб взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог... Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ее мгновенности усилит огонь ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную». Это говорит черт Ивану, и в словах этих раскрывается мучившая Достоевского мысль, что любовь к людям может быть безбожной и антихристовой. Эта любовь лежит в основе революционного социализма. Образ этого безбожного социализма, основанного на антихристовой любви, предносится Версилкову: «Я представляю себе, что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались одни, как желали: великая прекрасная идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались, совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга! Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее... Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнею любовью... Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это — все, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем свое состояние и тем одним был бы счастлив». В этой фантазии раскрывается метафизика и психология безбожного социализма. Достоевский живописует явление антихристовой любви. Он понял, как никто, что духовная основа социализма — отрицание бессмертия, что пафос социализма — желание устроить царство Божье на земле без Бога, осуществить любовь между людьми без Христа, — источника любви. Так раскрывает он религиозную ложь гуманизма в его предельных проявлениях. Гуманистический социализм ведет к истреблению человека, как образа и подобия Божья, он направлен против свободы человеческого духа, не выдерживает испытания свободой. Достоевский с небывшей еще остротой поставил религиозный вопрос о человеке и сопоставил его с вопросом о социализме, о земном соединении и устройении людей. Это раскрылось ему, как встреча и смешение Христа и антихриста в душе русского человека, русского народа. Апокалиптичность русского народа и делает эту встречу и это смешение особенно острым и трагическим. Достоевский предчувствовал, что если будет в России революция, то она будет осуществлением антихристовой диалектики. Русский социализм будет апокалиптикой, противоположной христианству. Достоевский видел дальше и глубже всех. Но сам он не был свободен от русских народных иллюзий. В его русском христианстве были стороны, которые давали основание К. Леонтьеву назвать его христианство розовым. Это розовое христианство и розовое народничество более всего сказались в образах Зосимы и Алеши, которые нельзя назвать вполне удачными. Великие положительные откровения Достоевского даются отрицательным путем, путем отрицательной художественной диалектики. Правда, сказанная им о России, не есть слащавая и розовая прав-

да народолюбия и народопоклонства, это — правда трагическая, правда об антихристовых соблазнах народа апокалиптического по своему духу. Сам Достоевский соблазнялся церковным национализмом, который мешал рус-

скому народу выйти во вселенскую ширь. Народопоклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских соблазнов.

С. П. МЕЛЬГУНОВ

Осада Зимнего дворца

Ниже мы помещаем в несколько сокращенном виде главу из книги об Октябрьской революции Сергея Петровича Мельгунова.)*

С. П. Мельгунов — известный историк, а также общественный и политический деятель, создавший себе имя еще до революции.

Он был одним из лидеров партии народных социалистов. В период гражданской войны, находясь в Москве, он вел активную подпольную борьбу против советской власти. Несколько раз он подвергался аресту. В 1922 г., в числе многочисленной группы русской интеллигенции, он был выслан за границу.

В зарубежье С. П. Мельгунов продолжал свою многостороннюю деятельность. Как историк, он сосредоточил свое внимание на периоде революции и гражданской войны в России и выпустил на эти темы целый ряд научных исследований.

Трудно, соблюдая большую или меньшую точность в деталях, рассказать о том, что происходило в последние часы в Зимнем дворце. Слишком субъективны восприятия и слишком противоречивы показания очевидцев. Конечно, эти детали не могут изменить общей картины.

В сущности мы не знаем даже точно количества защитников Временного Правительства. Большевики исчисляли их цифрой от 1500 до 2000 человек. К вечеру ряды эти сильно поредели и в огромном здании дворца казались ничтожными. Покидали дворец «изголодавшиеся», покидали в одиночку и группами павшие духом, покидали обманутые. Едва ли не самым ярким эпизодом в этом отношении был уход артиллерии — он на многих произвел удручающее впечатление. Около 6 час. вечера юнкера Михайловского артиллерийского училища, по приказу начальника училища, покинули Зимний дворец. Впрочем, не все — часть нарушила дисциплину и отказалась подчиниться приказу. По большевицкой версии рапоржение оставить Зимний дворец было дано начальником училища «под давлением» Военно-Революционного Комитета. В действительности артиллерия была уведена обманым путем политическим комиссаром при училище, назначенным на этот пост еще в дни корниловского «мятежа». Он сам рассказывал в «Былом» этот эпизод и историю о том, как он в Зимнем дворце разыгрывал роль волка в овечьей шкуре. При выезде из ворот юнкера были арестованы (повидимому, одной из «застав» Павловского полка) и отправлены в училище. Ушли и казаки, по воспоминаниям Сенегуба крайне смущенные тем, что единственной пехотой у правительства оказались «бабы с ружьем». Перед уходом они пожелали переговорить с правительством — хотели узнать, на что оно рассчитывает. О беседе рассказывает Малянтович. Правительство казакам отвечало то, что говорило юнкерам, — оно не может отдать военного приказа: биться до последнего человека; может быть, кровопролитие будет бесцельно и поэтому оно предоставляет свободу действий. Казачий полковник «ничего не сказал» и только «вздыхнул». Казаки ушли — «мне казалось, с недоумением в глазах, а, может быть, и с готовым решением».

В своих воспоминаниях Малянтович несколько резонерствует. Он искусственно придумывает тот ответ, который должно было дать правительство на вопрос военной

молодежи в тот критический момент, когда пришлось бы действовать. День прошел в ожидании. Изредка раздавались одиночные выстрелы. К вечеру они стали учащаться. «Нам докладывали, что наша стража... отвечала на выстрелы или стреляла, когда на дворец надвигались большевики». Стреляли в воздух. И этого пока оказывалось достаточно: толпа отступала. Но вот и пушечный выстрел. «Мы или нас?» — спросил Малянтович адм. Вердеревского. «Мы», — отвечал тот. — «Вероятно, в воздух», «для остратки». Пальчинский доложил: «Дан выстрел из пушки в воздух» — толпа отхлынула. Но должен наступить момент, когда «надо будет дать короткий, решительный приказ. Какой? Защищаться до последнего человека, до последней капли крови? Во имя чего? Если власть не защищала те, кто ее организовывал, нужна ли она? И к нам пришли и спросили». «Мы не могли отдать приказ биться до последнего человека, потому что, может быть, мы уже защищали только самих себя». Но «мы не могли отдать и другой приказ — сдать, потому что не знали, наступил ли такой момент, когда сдача неизбежна»... «Какой же военный приказ мы могли отдать? Никакого». Таким образом «мы предоставляли свободному решению наших защитников связать свою судьбу с нашей судьбой». Такой приблизительно ответ, по утверждению Малянтовича, дали на митинге юнкеров он сам, Коновалов, Карташев, Маслов, когда явилась делегация от имени защитников, настаивающая на том, чтобы правительство выступило в полном составе...

«Какие-то юнкера ушли». — мысленно как бы записывает в свой дневник Малянтович. Эта «запись» методично повторяется и последняя относится к 12 час. ночи: «Часть юнкеров Ораниенбаумской школы ушла». «Чем меньше осталось, тем лучше». Это, действительно, под пером Малянтовича резонерство, потому что сам же Малянтович среди других начинает усиленно взывать к общественной помощи. В шесть тридцать вечера из Петропавловской крепости в штаб прибыли двое самокатчиков и предъявили ультиматум за подписью Антонова-Овсеевко с требованием сдачи Временного Правительства и разоружения всех его защитников.

На размышление было дано 20 минут, после чего осаждающие грозили открыть огонь из орудий Петропавловской крепости и с военных судов, стоящих на Неве. Ультиматум не был принят правительством; вернее, решено было ни в какие переговоры с ВРК не вступать. Вместе с тем правительство постановило обратиться в Городскую Думу за моральной поддержкой. Одновременно начались усиленные поиски какой-либо физической помощи. Делалось это при посредстве телефона, который оказался не выключенным. Несколько раз звонил Никитин друзьям с просьбой оповестить все демократические организации о создавшемся положении и указать на необходимость привлечь хоть какие-нибудь части войск для поддержки утомленных защитников дворца. В непрерывных телефонных переговорах с Никитиным, Малянтовичем, Терещенко находилась и энергичная Кускова. Все взывали о помощи. Но помощи не нашли. «Демократия, или, вернее, подделка под нее этой помощи не дала», — с горечью замечала Кускова в своей статье «Ночь». Кое-кто отправился в Городскую Думу, обошел фракции с сообщением, что наступает трагическая развязка, и что необходимо выступить на защиту правительства и обратиться с соответствующим призывом к населению. Милюков упоминает, что и Кишкин пытался говорить с Хрущевым и просить подкреплений: что это за партия, которая «не может

* С. Мельгунов. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, издательство «Возрождение», 1953, 391 стр.

послать нам хотя бы триста вооруженных человек». Но сам Кишкин был одним из главных технических организаторов своей партии. В газетах того времени можно найти немало широковещательных объявлений от имени военной комиссии партии народной свободы — комиссия насчитывала целых четыре специальных отдела. Но она ничем не проявила себя в день, когда оружие решало ближайшую судьбу страны. И невольно вспоминается речь лидера партии на 8-ом съезде, говорившего о воздействии «применением силы в тех случаях, когда сюда являются люди, заведомо находящиеся на службе у Германии».. Милюков самоуверенно заявлял: революцию «можно остановить, если это... нужно для блага России». Настроение, очевидно, стимул более могучий, нежели разум и логика.

Из реальных попыток помочь правительству мы знаем только одну, которую пытался организовать Савинков, и которая цели своей также не достигла. Днем Савинков отправился, по его словам, отыскивать ген. Алексеева для того, чтобы с ним посоветоваться, что можно предпринять на помощь правительству. «Ген. Алексеева я разыскал только ночью, — рассказывает Савинков, — мы решили сделать попытку освободить Зимний дворец. Был первый час ночи. Я пошел в Совет Союза Казачьих Войск, и мне удалось убедить представителей казачьих полков и военных училищ собрать хотя бы небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждающим Зимний дворец большевикам. В половине второго ген. Алексеев принял депутацию юнкеров и, переговорив с ней, наметил план предстоящих военных действий. Этим военным действиям не суждено было осуществиться. В два часа ночи, раньше, чем казаки и юнкера успели собраться, Зимний дворец был взят большевистскими войсками».

Деникин, со слов близкого Алексееву человека, ротм. Шапрона, опровергает версию Савинкова. Действительно. Савинков вечером появился на конспиративной квартире, куда друзья увезли Алексеева, принимая некоторые меры к его безопасности. Савинков очень театрально и с пафосом обратился к Алексееву с призывом выполнить свой долг и ехать к казакам. Тогда Шапрон стал доказывать бессмысленность такой авантюры, которая могла привести только к выдаче Алексеева большевикам. Алексеев отклонил предложение Савинкова, как безнадежное. Савинков был склонен и к театральности и к пафосу, и тем не менее я не могу себе представить, чтобы он так изменил в своих воспоминаниях сущность дела. Мог запомнить и Шапрон, не сочувствовавший предприятию. — тем более, что Савинков в статье, напечатанной в «Русских Ведомствах» по свежему следу (21 ноября) дал ту же версию, что и в позднейших воспоминаниях. Воспоминания Грекова отчасти подтверждают изложение Савинкова и во всяком случае свидетельствуют о более длительных и серьезных переговорах казаков с Алексеевым. Греков прямо говорит, что председатель Совета Казачьих Войск Аникеев и его заместитель Михеев вернулись с «тайного заседания», созванного ген. Алексеевым. На вторичном совещании будто бы обсуждалась совместная поездка Алексеева и Савинкова навстречу 3-ему корпусу ген. Краснова... В конце концов неосуществленные решения и предложения в историческом обзоре событий значения не имеют — из инициативы Савинкова ничего не вышло.

✱

Не имея никакой помощи со стороны, осажденные в Зимнем дворце начинают принимать реальные меры к самозащите, так, чтобы продержаться до утра, когда подойдут войска с фронта. Прежде всего все силы сдвигаются во дворец, — штаб оставлен. И немудрено, что его занимают большевики отрядом всего в 50 человек. В штабе был арестован генерал-квартирмейстер Параделов и несколько человек, находившихся с ним. Повидимому Параделов сам остался в штабе, будучи несогласен с тем, что правительство не приняло ультиматума. (Параделов подал даже рапорт об отчислении от должности ввиду того, что у него «нет уверенности в правильности избранного Временным Правительством пути»). Отказался не-

сти обязанности командующего и ген. Баградуни. Начальником обороны был назначен подп. Ананьин, стоявший во главе школы инженерных прапорщиков, которой суждено было сделаться, как наиболее «организованной единице», основной опорой осажденного правительства. Распределены были роли защитников на случай приступа, расставлены на баррикадах оставленные казаками пулеметы.

Военная власть не препятствовала выходу из дворца юнкеров, колеблющихся и сомневающихся. Она не руководилась теми соображениями, которые выставляет Мальянович, и которые больше характеризуют его личные ощущения. Спаянное меньшинство — более крепкая опора, нежели распаянная масса, подверженная разлагающему влиянию пропаганды. А последняя проникла разными путями. Одним эпизодом можно охарактеризовать положение. Около 8 час. вечера в Зимний дворец, приведенный уже в боевое состояние в ожидании атаки, легко проникает один из руководителей осады Чудновский. Прибывает он по приглашению делегата Ораниенбаумской школы, юнкера Киселева, для переговоров о «сдаче», причем юнкера «честным словом» гарантируют Чудновскому полную неприкосновенность. Чудновский и Киселев по распоряжению Пальчинского были арестованы, но по настоянию юнкеров были выпущены. Вместе с ними ушла и часть юнкеров, не желавших больше сражаться.

Положение все еще не казалось безнадежным. В 7 час. веч. Дитерихс из Ставки беседует с пор. Данилевым. Передавая наштаверху телеграмму правительства с просьбой ускорить присылку войск, Данилевич от себя добавляет: «Ныне и несколько ранее шла и идет стрельба сравнительно редкая и, думаю, нервная, так как нападения пока не произошло и большевики держат себя сравнительно пассивно. Во время моего разговора с вами было 3-4 орудийных выстрела, которые, судя по звуку, идут из нашего стана. Временное Правительство в полном составе сейчас в Зимнем дворце и не думает отсюда уходить до ликвидации конфликта... Понемногу налаживается организация и руководство теми немногими частями, которые у нас есть. Лично думаю, что если действительно будет использовано то, что есть, то положение правительства не безнадежно». Дитерихс, сообщая о казачьих полках, которые должны прийти в Петербург утром и вечером 26-го, высказывает полную уверенность в том, что «тяжелое положение пройдет почти само собой».

В девять час. вечера правительство обратилось к населению со следующей радиотелеграммой: «Петроградский Совет Р. и С. Д. объявил Временное Правительство низложенным и потребовал передачи ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоящего на Неве. Правительство может передать власть лишь Учредительному Собранию, а потому постановило не сдаваться и отдать себя под защиту народа и армии, о чем послана телеграмма в Ставку. Ставка ответила о посылке отряда. Пусть страна и народ ответят на безумную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии».

Около этого же времени, после холостого сигнального орудийного выстрела из Петропавловской крепости, началось фактическое наступление на Зимний дворец. Дело, впрочем, ограничилось на первый раз ружейным и пулеметным (при участии броневиков) обстрелом дворца. Интенсивный обстрел и ответный огонь осажденных продолжался примерно около часа. Затем перестрелка замерла. Исполнительный Комитет Почтово-Телеграфного Союза разослал сообщение: «Первое нападение на Зимний дворец в 10 час. веч. отбито», а правительство доводило «до сведения»: «Положение признается благоприятным... Дворец обстреливается, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб».

Картина, действительно, была приблизительно такая: «Беспорядочные толпы матросов, солдат, красногвардейцев то наплывают к воротам дворца, то отхлыывают» Эта характеристика все того же Антонова-Овсеенко Пальчинский в кратких отметках в своей записной книжке подчеркнул, что наличных сил для защиты было до-

статочны; трагично было отсутствие командного состава — всего 5 «действующих» офицеров. Это приводило к дезорганизации.

Первое наступление на Зимний дворец имело последствием сдачу ударниц женского батальона — они не выдержали огня, по утверждению большевистских источников. Очевидно, эта сдача была связана с тем выступлением на «освобождение» ген. Алексеева, которого не мог предостеречь начальник обороны полк. Ананьин. Ему пришлось донести правительству, что вылазка, произведенная ударницами, «привела их к гибели». Это, конечно, было фигуральным выражением в словесном докладе, который был сделан правительству пор. Синегубом. У Маланьича просто «записано»: женский батальон ушел... В ближайшие дни в газетах того времени сообщались фантастические сведения о женском батальоне в Зимнем дворце. Например, во «Власти Народа» 28-го, со слов приехавших из Петербурга авторитетных свидетелей, рассказывалось, что после ухода юнкеров дворец самоотверженно защищал только женский батальон, расстрелянный из пулеметов бронированных автомобилей. Батальон потерял 500 женщин. Неввероятно, конечно. Едва ли в таком числе женщины вообще были во дворце. Повидимому, при самой сдаче или вернее при захвате дворца ударниц уже не было.

В 11 час. вечера начался обстрел дворца из орудий Петропавловской крепости.

*

Почему большевики так медлили с захватом Зимнего дворца? Еще утром был заготовлен Антоновым-Овсеенко тот ультиматум, который вручен был правительству через штаб в 6 час. вечера. Уже в 10 час. утра ВРК было выпущено извещение: «Временное Правительство изложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Р. и С.Д. — ВРК». В 2 часа 35 мин. дня, на экстренном заседании Петроградского Совета, Троцкий заявил, что «Временное Правительство больше не существует», и что в действующую армию послана радиотелеграмма о падении старой власти. «Судьба Зимнего дворца, — говорил он, — должна решиться в течение ближайших минут». Впервые на заседании Совета открыто появился Ленин и произнес речь о задачах советской власти. До этого момента Ленин скрывался в задних комнатах Смольного в замаскированном виде. «Он был обязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке». — вспоминает Троцкий. Вид был довольно странный, но проходивший случайно мимо Дан, у которого глаз был «опытный и наметанный», разобрал маскарад, «толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел». «Владимир Ильич тоже толкнул меня локтем: «Узнали подлецы». «Но это было не опасно, потому что в этот момент мы были господами положения». Если было «не опасно», зачем понадобился маскарад (по словам других Ленин был даже загримирован) в неприступной большевистской цитадели — в Смольном, который охраняли «100 пулеметов»?

Минуты, исчисленные Троцким, следовали одна за другой, проходили часы, а Зимний дворец не только не был взят, но даже не было сделано попытки его захватить. В ожидании фактического падения Временного Правительства не открывался и съезд Советов — ведь его надлежало поставить перед совершившимся фактом. Из Смольного шли настойчивые требования взят немедленно Зимний дворец. Штаб ВРК назначил окончательный срок на три часа — в момент, когда в Совете Ленин произносил здравницу во имя грядущей социалистической революции. Затем срок был перенесен на 6 часов — момент предъявления ультиматума. Истекли и назначенные ультиматумом минуты, великодушно, «по настоянию» штаба осажденных срок ответа был продлен еще «на 10 минут». Так нетерпеливы были осаждающие. Началась перестрелка, но Зимний дворец все еще не был взят.

Наконец, открылся съезд в 10 часов 40 мин. Ленин на съезде не появился. Он, как «лев» в клетке, метался в маленькой комнатке подле заседания и «ругался». Отсюда он слал одну записку за другой Подвойскому, Антоно-

ву и др. На съезде, открытом Даном и давшим большевикам 390 голосов из 650, происходила обычная фракционная волокита. Представители с.-р., меньшевиков, бунда, фронтовых групп выступали со внеочередными заявлениями протеста против заговора и захвата власти. Протестанты покидали съезд. Ушли с него и меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым, предложившие прервать работы съезда до выработки платформы мирного разрешения кризиса путем создания общедемократического правительства. Левые с.-р., высказываясь за создание «единого революционного фронта», но против предложенной Троцким резолюции с приветствием «победоносному восстанию», на съезде остались.

А Зимний дворец все еще не взят. На съезде, где остались только единомышленники, объявляется перерыв. Зачем? Очевидно, заговорщики не очень верили в прочность настроений серой съездовой массы — боялись «нервировать» съезд, по выражению Троцкого; другими словами — той психологической изоляции большевиков, которая могла создаться на съезде. Только окончательная развязка, реальный конец Временного Правительства, ставившая съезд перед совершившимся фактом, могла поднять настроение и заставить съезд идти вслепую по трафарету за «вождем». До этого момента успех восстания стоял еще под вопросом.

При таких настроениях трудно понять, почему медлили восставшие с захватом Зимнего дворца, раз у них, действительно, была сила. Предположения, которые делал ген. Левицкий в утреннем разговоре с Духовиным, как будто бы не были основательны. Свой разговор он закончил словами: «Малая решительность большевиков, давно уже имевших фактическую возможность разделаться со всеми нами, и дает мне право считать, что они не посмеют пойти вразрез с мнением фронтовой армии и дальше указанного не пойдут». Центр настойчиво и многократно требовал активных действий против Зимнего дворца. Действующие на местах «революционные штабы» выдвинули внушительные, по крайней мере, во внешности, силы по сравнению с тем, чем располагали защитники Зимнего дворца. «Цепи» Чудновского, включавшие артиллерию, броневики, пулеметы и пехоту, подступили к самому дворцу; Петропавловская крепость, где обносился Подвойский, грозила артиллерийским обстрелом; с «Авроры», окруженной миноносцами, грозно смотрели шестидюймовки под бдительным надзором Антонова-Овсеенко. И, все-таки, что-то мешало приступом захватить Зимний дворец. Едва ли можно поверить тому, что не наступали по какому-то неожиданному сентиментальному чувству — желая сохранить жизнь членов правительства и защищающих его юнкеров, и не желая производить разрушения во дворце. Едва ли можно поверить Подвойскому в том, что замедление диктовалось стремлением добиться сдачи Зимнего дворца, заставить защитников его сложить оружие и тем морально унижить правительство. Такая тактика не соответствует злым и бессильным «рычаньям» Ленина в Смольном. Придется откинуть и версию, которая объясняет задержку в последнем акте восстания желанием избежать тех сотен героических жертв со стороны «красных», которые были бы неизбежны при штурме.

Было что-то другое, что мешало активным действиям. Какие-то случайности врывались в командные распоряжения. Случайности, подчас даже мелкие и комические. Так было условлено с новым комендантом Петропавловской крепости Благовраховым, что по окончании окружения Зимнего дворца на крепостной мачте будет поднят красный фонарь. И вот никак не могли поднять на мачту этот злосчастный фонарь — забыли приготовить заранее, а во всей Петропавловской крепости красного фонаря найти не могли. Был, наконец, получен приказ вести артиллерийскую стрельбу из Петропавловской крепости боевыми снарядами. Но орудия... не стреляли, — не доставало каких-то частей. Пришлось наскоро искать не столько недостающих частей, сколько других артиллеристов. Присланы были два моряка. Пушки застреляли, но снаряды ложились вне зоны пристрела. Из 35 выстрелов попадание было только два раза и то по карнизу дворца. «Я вышел после полудня», — записывал на дру-

гой день Бьюкенен, «чтобы взглянуть на повреждения, причиненные Зимнему дворцу в прошлый вечер длительной бомбардировкой и, к моему удивлению, несмотря на близость прицепа, со стороны реки имелось всего три отметины в тех местах, где ударила шрапнель. Со стороны площади стены были испещрены тысячами пуль от пулеметов, но ни один выстрел из полевых орудий... не попал в здание».

Троцкий должен признать, что, очевидно, и самые верные артиллеристы давали преднамеренно перелеты. Когда захотели пустить в ход шестидюймовки «Авроры», то оказалось, что крейсер, в силу своего расположения, по Зимнему дворцу стрелять не может. И дело ограничилось устрашением — холостым выстрелом. Так «басы Авроры возвестили миру о рождении новой эры», по выражению советского беллетриста Эренбурга.

Я несколько опередил события. Обстрел из орудий начался только в 11 час. вечера, когда в Смольном открылся съезд советов, и когда наступил как бы последний час для выполнения плана, которому мог грозить срыв. Вернемся к хронологически прерванному повествованию.

*

Мы не знаем, стали ли бы в действительности стрелять шестидюймовки с «Авроры» или орудия минного заградителя «Амура». Выполнение «приказа», который мог бы иметь «роковое значение», было задержано. «Мы порешили выждать еще четверть часа, инстинктивно чуя возможность смены обстоятельств», — слова эти, принадлежащие одному из руководителей боя, соответствовали моменту. Парламентеры с новым ультиматумом, во главе с Чудновским, проникли в среду осажденных. Цитадель Временного Правительства решено было сдать — это было решение начальника обороны. Наступили последние минуты. Еще раз Никитин соединился по телефону со своими друзьями и передал через них «привет» демократии. Когда один из говоривших (Хижняков) пытался вновь вызвать Зимний дворец, он услышал лишь «дикий шум с отдельными возгласами обезумевших людей...»

Надо прочесть исключительно талантливые воспоминания Синегуба, по внешности как будто сумбурные, но тем самым с поразительной образностью передающие атмосферу в последние часы Зимнего дворца. Внешняя хаотичность для автора только литературный прием. Синегуб с подлинной яркостью изображает свое собственное, граничащее с невменяемостью состояние, чувства и мысли защитников правительства и весь окружающий хаос. Залы дворца кишат просачивающимися из задних входов матросами и красногвардейцами. Часто не разберешь, где свой, где чужой. Матросы разоружают отдельные группы юнкеров. С револьвером в руках, окруженный десятком юнкеров, появляется Пальчинский, самый действенный из всех начальствующих в Зимнем дворце. Победители переходят на положение пленных. Но там, за стенами, тысячи, а здесь сотни неорганизованных, подчас без руководства, без офицеров... Шум снаружи — это «аккомпанемент к тишине», жуткой уже тишине, воцарившейся в министерской комнате. «Тревожный шум в самом дворце» — ворвались откуда-то 30-40 человек. Бросили бомбы. Опять тишина. Опять ворвалась толпа. Уже большая — человек 100. Пальчинский доложил, что юнкера приняли ее за делегацию от Думы. Толпу обезоружили. «И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться». «Шум зазвучал иначе». Ясно, «нас берут приступом», — так снова полужаписывает, полувспоминает Маламтович...

Большевицких мемуаристов — из тех, кто руководил осадой Зимнего дворца, не удовлетворяет такая проза при описании «героического момента революции», «прекрасного», «незабвенного» захвата Зимнего дворца. В патетических тонах стремятся они описать «подвиги красных героев» в ночь с 25 на 26 октября. Визжат ядра орудий, рвутся гранаты, трещат пулеметы. Идущие на приступ «перелетают» баррикады. Защитники смяты. Двор занят. Врываються во дворец. Разметывают защитников правительства. Юнкера бросают оружие. Ищут «виновников». Взламываются двери запертых комнат. Вот дверь,

у которой **стоят окостеневшие от ужаса**, скованные долгим юнкера. Временное Правительство! Наставляют штыки — долой! Массы врываются в комнату... Все арестованы. Низвергнутые «лепечут о защите от масс». Так приблизительно в вечер воспоминаний, в 1920 году, избражал дело Подвойский.

Трудно себе представить, каким образом при такой «бешеной» атаке захват Зимнего дворца стоил «всего лишь шести жертв» со стороны наступавших. Это почти официально заявил после переворота Зиновьев и позже (10 ноября) подтвердил В. Рев. Ком. — «несколько раненых с обеих сторон и 6 убитых среди войск ВРК». Наблюдателю со стороны этот «бешеный» приступ не покажется действительным боем, и он, конечно, будет более прав в своих оценках. «Организованной защиты не было, и несчастных случаев с той или другой стороны было сравнительно немного», — запишет сэр Дж. Бьюкенен, наблюдавший из окон английского посольства в самый разгар бомбардировки, в 11 час. вечера, как трамвай продолжал спокойно проходить через Троицкий мост. Троцкий, написавший историю октябрьского переворота — пока единственную, если не считать соответственных страниц общего труда Милюкова и «записок» Суханова, — не последовал в своей книге целиком за версией большевицких апологетов; на его изложении операции вокруг Зимнего дворца сказались влияние «белогвардейских» источников. Но все-таки «дворец не сдался, а взят штурмом». Правда, в такой момент, когда «сила сопротивления осажденных успеха окончательно иссякнут». Он повторяет рассказ Маламтовича, как в коридор ворвалась уже не потайным ходом, а через защищаемый двор, сотня врагов, которых деморализованная охрана приняла за депутацию Думы. Вероятно, такой ошибки не было. Ворвалась толпа за парламентарями и действительно тем самым разрушила «штыковую и огненную преграду» между наступающими и обороняющимися: площадь стала вливаться во двор, из двора во дворец и растекалась по лестницам и коридорам. «В коридорах фантасмагорическая встреча и столкновения. Все вооружены до зубов. В поднятых руках револьверы. У поясов ручные гранаты. Но никто не стреляет, и никто не мечет гранат, ибо свои и враги перемешались так, что не могут оторваться друг от друга... Вот дверь, у которой юнкера застыли в последней позе сопротивления. Их разоружают. Победители врываются в комнату министров. «Объявляю вам, членам Временного Правительства, что вы арестованы», — провозглашает Антонов от имени ВРК. Часы показывают 2 часа 10 минут ночи. Члены Временного Правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — отвечает Коновалов. Неизбежная часть ритуала соблюдена.

К словам Троцкого нужны поправки. Их делает Синегуб. Начальник обороны послал Синегуба предупредить правительство, что он вынужден сдать дворец, и что юнкерам обещано сохранение жизни. О правительстве «парламентеры» отказались говорить. Среди министров происходит совещание о капитуляции. Толпа, сопровождавшая Антонова, останавливается перед юнкерской охраной, и в комнату, где находится правительство, Пальчинский ввел лишь одного Антонова. К юнкерам вышел затем Пальчинский и объявил решение, принять сдачу без всяких условий, выражая этим подчинение только силе, что предлагается сделать и юнкерам. Последних пришлось убеждать — и Пальчинскому, и Коновалову, и кому-то еще, и доказывать, что дальнейшее сопротивление приведет лишь к бесцельной и бессмысленной гибели Юнкера молчали, а «шляпенка», — как окрестил Синегуб Антонова-Овсеенко, — надрывалась в призывах к «революционной дисциплине» по адресу наступавшей толпы

Фальшива в значительной степени театральная инсценировка, которую пытаются изобразить и Троцкий и сам Антонов. Министры расселись за столом — слово происходит заседание каких-то авгуров, но авгуров испуганных: «Все тринадцать застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное бледное лицо». Сцена выросла из фразы в воспоминаниях Маламтовича: «Сядем за стол», — сказал Кишкин. Более правдиво и жизненно рассказал Синегуб: «С величайшим спо-

койствием, какое может быть лишь у отмеченных судьбою сыновей жизни, смотрели частью сидящие, частью стоящие члены Временного Правительства». «Мы не сдались и лишь подчинились силе и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчалось окончательным успехом», — слышится чье-то мужественное заявление...

Ни растерянности, ни колебаний. А момент был все-таки жуткий. Во дворец ворвалась не революционная когорта большевицкой рати, а в полном смысле слова разнородная толпа с присущими ей эксцессами и насилиями; толпа, возбужденная боевой обстановкой стрельбы, порохом, бомбами. Хулиганские элементы начали свои подвиги с разграбления дворца — этого не отрицают ни большевицкие мемуаристы, ни советские историки, Вероятно здесь собрался весь тот «деморализованный охлос», который некоторые исследователи нашего недавнего прошлого так склонны выдвигать на авансцену при описании октябрьских дней. В отношении министров раздавались недвусмысленные угрозы расправы. Правда, и Малиянтювич, и Синегуб, и Карташев указывают и на другое — на какое-то добродушие и недоумение при индивидуальном соприкосновении представителей двух разных, как будто бы, миров. Стража и арестованные перекидываются замечаниями, которые переходят в беседы. Даже Антонов-Овсеенко отмечает, что Терещенко «наседает» на матроса с «Авроры»: как вы управитесь без интеллигенции; Карташев чуть ли не ведет богословский спор с каким-то матросом; третий — анархист, уверяет, что большевики захватили власть ненадолго — власть должна принадлежать им, анархистам, эту власть отрицающим. Среди охраны уже выделяются защитники. Нет того ненавистного классового врага, которого так старательно хотела бы отыскать большевицкая литература.

Министров под охраной 25-ти конвоиров выводят на двор — их должны отвести в Петропавловскую крепость. Перебираются через полуразбитые баррикады. Стража в темноте растеривает арестованных. Малиянтювич должен ухватиться за кушак своего матроса, чтобы не очутиться одному в новой враждебной толпе. Кто-то ударил Ливерского, министра путей сообщения. Два матроса ведут Карташева — один все заводит в сторону, к стене, словно хочет его прикончить, другой оберегает своего недавнего оппонента в религиозной дискуссии. Он назвал даже Карташеву свою фамилию — со временем он войдет в историю. Арестованные выведены на площадь и окружены конвоем. Толпа кругом не так велика, как это может показаться по описаниям большевиков. Это не тысячи, запрудившие дворцовую площадь и сплошной стеной окружавшие дворец, скорее — «кучки людей», по утверждению Смирнова, теряющиеся в обширном пространстве и как-то неожиданно выступающие из царящей темноты. В толпе много пьяных. Так утверждали в своих тогда же напечатанных рассказах и министр труда Гвоздев и министр земледелия Маслов («Дело Народа»). «Настроение становится враждебным», — характеризует положение Малиянтювич. Был момент, когда толпа прорвала охрану и, по свидетельству Никитина («Раб. Газ.»), последствия могли быть тяжелыми, если бы не энергичное вмешательство Антонова-Овсеенко. Толпа раздраженно ищет Керенского, на личности которого агитация и демагогия искусственно сосредоточили ненависть и раздражение. Будь Керенский среди арестованных министров, может

быть, самосуда нельзя было бы избежать — таково впечатление самих арестованных... Угрозы самосуда повторились на Троицком мосту, когда произошла встреча с новой толпой — может быть, всего «несколько десятков». Какие-то провокаторские или озлобленные голоса кричали: «В воду их, кровопийцев, изменников, продавших Россию немцам». «Эй вы, до победного конца! Потопить их всех, и короток суд». «Чудесная случайность спасла нас», — утверждает Малиянтювич: броневик «по недоразумению» стал обстреливать мост. Толпа разбежалась. Конвой и арестованные полетели на землю...

Наконец, Петропавловская крепость и в ней Трубецкой бастион, в казематы которого новая власть заключила членов Временного Революционного Правительства. «Мякинные люди», — назвал их печатно один из наблюдавших ход событий в октябрьские дни. Люди, не сумевшие организовать отпор большевикам, защитить себя и государство, как бы засвидетельствовавшие перед историей истину: неспособные нести бремя власти, не имеют морального права принимать на себя ответственность в революционные эпохи. Но эти «мякинные» люди своим мужеством и достойным поведением сумели в последние трагические часы запечатлеть в летописной книге судеб поистине красивую и достойную страницу. Их подвиг был тогда же оценен современниками: общегородское собрание 350-ти меньшевиков-оборонцев 27 октября приветствовало «непоколебимое мужество, которое проявили министры Российской Республики, оставшиеся на посту до конца под пушечным обстрелом и тем показавшие высокий пример истинно революционной доблести».

В резолюции прозвучал голос демократии. И все-таки каждый, кто прочитает слова Алданова: «тут русской демократии стыдиться нечего», написанные о «страшном вечере на Дворцовой площади», законно спросят, — при чем здесь демократия? Какой-то злой гримасой отразились в кривом зеркале истории слова главы Временного Правительства, торжественно произнесенные в заседании петроградского Совета 4 августа: «Мы дешево свою работу в пользу демократии не продадим». Организованная демократия, может быть, более других повинна в том, что этот «страшный вечер» 25 октября протекал при такой полной изоляции Временного Правительства, и что честь демократии, судьбы страны защищали ударницы из женского батальона смерти, 2-3 роты юнкерской молодежи и 40 инвалидов георгиевских кавалеров во главе с капитаном на протезах...

Какова же была судьба этой молодежи? Надо быть объективным. Все волновавшие общество слухи о расправах, последовавших за сдачей Зимнего дворца, слухи, попавшие на столбцы тех органов социалистической печати, которые продолжали выходить после переворота, и зарегистрированные потом в дневниках (например, у Гиппиус), следует приписать скорее напряженным нервам. «Жуткие дни, — записывает Милицын: город полон слухов о кровавых расправах большевиков с юнкерами и женщинами из батальона смерти. Неистовствуют матросы и красногвардейцы». Естественно, что стоявшей в стороне, недавно выпущенной из тюрьмы, Вырубовой уже казалось, что «убивали и резали» даже «на улицах». В данном случае прав Троцкий, заметивший в своем историческом труде: никаких расстрелов не было и «по настроению обеих сторон в тот период быть не могло».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ниже мы помещаем обращение — беседу основателя русского скаутизма, Старшего Русского Скаута полковника Олега Ивановича Пантюхова.

Это обращение в переводе разслано также скаутским организациям всего мира.

ЧЕРНЫЙ ГОД

Все мы, русские люди, с горечью переживаем сейчас пятидесятилет-

нюю годовщину того бедствия, того несчастья русского, которое наши русские газеты озаглавливают: «Трагичная Годовщина», «Траурная Годовщина» и т. д. Но какой бы заголовок для газетных статей ни придумывать, а бедствие народное остается бедствием.

Русский народ вот уже 50 лет как находится в каторжной суровой тюрьме. Он лишен самой обыденной свободы, которая теперь дана даже недавно еще диким африканцам, полинезийцам и племенам, названия кото-

рых нам мало известны. Всем, всем дается свобода: свобода жить, как им хотелось бы, свобода читать, писать, творить, верить, то есть исповедовать религию, свобода передвижения и другие свободы. Всего этого лишены наши братья на нашей родине на Руси.

Пятьдесят лет тому назад — выстрелы по Зимнему Дворцу, выстрелы по Ивану Великому и старому Кремлю Московскому — это были выстрелы по всей нашей матери России. Наши Добровольческие Белье

Армии героически старались отстоять Россию, но лживые обещания красных и поддержка их теми странами, которым хотелось разрушить Русь — все это не дало победы, и разруха нашей родины началась.

А в былое время Россия быстрыми шагами шла вперед по пути прогресса. Достаточно сказать, что когда я был на школьной скамье в конце прошлого столетия, то на Министерство Народного Просвещения отпускалось 18 миллионов рублей, а всего лишь восемь лет спустя бюджет нашего Министерства Народного Просвещения был уже 150 миллионов, то есть почти в десять раз больше. Россия шла быстрыми шагами вперед и некоторые другие государства побаивались ее роста и прогресса.

Во время этого расцвета, в давно прошедшее, счастливое для нашей родины время, были основаны и Русские Скауты-Разведчики. Когда в 1910 году генерал Баден-Пауэль посетил Россию и был принят государем, я представил Баден-Пауэлю моих Царскосельских скаутов. В следующем году я отдал ему визит, посетив английских скаутов и повидав по пути шведские, голландские и бельгийские отряды.

Однако вскоре наступила война и с нею крушение России. Русские скауты почти сразу же попали под запрет коммунистов, которые старались захватить в свои руки всю нашу молодежь. Однако «не тут-то было!» Русские скауты долго не сдавались. Коммунисты жестоко преследовали наших скаутов. Руководителей скаутов арестовывали и многие из них кончили свою жизнь в концентрационных лагерях. Списки их хранятся в наших отделах. В это ужасное время в одном из официальных коммунистических журналов было напечатано о скаутах следующее:

«Ровера, скауты и волчата — это дети, которые воспитываются в почитании Бога (который по коммунистическому учению не существует) и в любви к ближним — это правила буржуазной морали. К сожалению, мы не можем истребить скаутов в других странах, но мы можем и должны это сделать в России».

И коммунисты это исполнили, хотя и с трудом: скауты в России были истреблены, погибли.

Когда русские скауты в 1920 году начали свою работу за границей, в изгнании, Баден-Пауэль писал мне: «Мы все любимся и питаем самую большую симпатию к нашим русским братьям скаутам и герль-гайдам и гордимся ими, как они безропотно переносят свои несчастья — последствия войны. Ясно, что они обладают настоящим скаутским духом. Исполнение ими нашего скаутского правила — улыбаться перед лицом всяких затруднений честной и смелой улыбкой, — означает, что в конце концов они будут торжествовать непременно над своими теперешними невзгодами. Я лично надеюсь, что это будет скоро».

В 1929 году я присутствовал вместе с небольшой группой наших русских скаутов на Всемирном слете (Джембори) в Англии. На параде наши скауты шли под сенью трехцветного флага свободной России и были встречены общими восторженными овациями. Слеты скаутов были тогда как бы праздником для скаутов всего мира... Но вскоре наступила Вторая мировая война. Когда дым этой войны рассеялся, страны свободного мира, к нашему ужасу, значительно сократились в числе. Венгрия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Югославия, Румыния, Болгария, Китай — все эти страны запретили скаутов и больше не посылают молодежь на Джембори. Все они поражены злой заразой коммунизма.

Впереди темно. Как будто нет просвета. Но мы, по-скаутски, верим не только в просвет, но даже и в расцвет.

Трагедия России еще и в том что там, за рубежом, на нашей родине народ с молодых лет, с детства, приучается к тюремной, лишенной свободы жизни. Результат этого: люди перестают понимать, что они в тюрьме... Какая дьявольская хитрость: искалечить русский народ, начиная с раннего детства, лишив его свободного религиозного воспитания, лишив его церкви и других свобод. Может быть

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН. МЫ. Hyattsville, Maryland (USA), издательство Международного Литературного Содружества, 1967, X+223+9 стр.

Первое, полностью разошедшееся издание этой книги вышло в 1952 г. в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке.

История романа интересна. Замятин написал его еще в России в конце 1920 года, но издать книгу тогда уже не было возможным.

Впервые роман появляется в английском переводе в Америке в 1924 г. После этого следуют издания на чешском и на французском языках. По-русски роман был опубликован в журнале «Воля России» в Праге (Чехословакия) в сокращенном виде, причем, за отсутствием оригинала, русский текст был переводом с чешского.

Таким образом русский оригинал увидел свет лишь через 32 года после своего написания и через 15 лет после смерти автора. (Замятин скончался в Париже в 1937 г.).

Такова часто в наше время судьба русской литературы.

Ниже мы помещаем предисловие ко второму изданию редактора книги Евгении Жиглевич.

А. Ж.

«МЫ» И МЫ

— Мир жив только еретиками —
Е. Замятин. «Завтра»

Мы изголодались по существенно-му: без лишнего слов, о самом главном.

у русских людей в неволе будет со временем сходство с тем несчастным, от лица которого Бальмонт писал:

«И, как узник, полюбивший долготный мрак тюрьмы,
Я от солнца удаляюсь, возвращаясь
в царство тьмы».

Вот до чего может довести длительное лишение свободы!... В дни октября мы, русские скауты, всей душой будем с нашим русским народом и мы будем верить, что «Солнце Правды» озарит нашу матушку Русь. Бог правду видит, хоть не скоро скажет!

Справедливо было бы вспомнить в черную годовщину пятидесятилетия коммунизма и всех скаутов поработанных стран. Лучшее время для этого было бы 7 ноября 1967 года, когда исполняется пятьдесят лет печальной, траурной годовщины коммунизма.

В чаянии свободы для всего мира русские скауты за границей и скауты эмигранты других стран от Китая до Балтики будут продолжать свое дело, верные своему долгу и старому скаутскому духу, своим скаутским обещаниям и законам.

Ницца, Франция.

Октябрь, 1967.

ОЛЕГ ПАНТЮХОВ

Старший Русский Скаут и Основатель Русских Скаутов-Разведчиков (1909).

Повествования не о нас самих, а о кружевах нашей тетки, отправлявшейся на свидание на исходе прошлого столетия, нам наскучили.

Мы ждем слова, — прямого, меткого, — прямо в цель. О живом, о настоящем, о животрепещущем. Пусть это ранит, — о подлинном всегда ранит, — и ранить будет сильно, потому что беда наша — большая. Нас уже не интересует, роман это Ивана или Петра, нас интересует, как сохранить в Иване и Петре возможность иметь роман — возможность сохранить человеческие чувства, выйти человеком из нечеловеческой среды. Речь идет не об индивидуальном более, — о человеке вообще. Об общечеловеческом. Чтоб его сохранить, — последнее. Это наболело. Об этом, пока не поздно, надо говорить. Не о воланах минувших дней, а о нашей ране. И говорить не манерой тех дней, — речисто и с фиоритурой, — а оголенно-правдиво. Не можем мы больше говорить лишних слов, — не в тарантасе катим, — в ракете. И некогда их говорить: кому мало жить осталось, болтать не может. И поболтать не вред — там, за чаем, на закате, в девятнадцатом веке. Но у нас — не закат. — космическая ночь, и разговор другой.

Замятин — зоркий, прищуренный взгляд; Замятин — не знающий стигба хребет; Замятин — недрогнувший голос о важном, существенном. А г «Мы» — о самом важном, самом существенном.

В большей ли — меньшей — степени мы уже живем в стеклянных домах, выходим толпой на работу в назначенный час, в назначенный час возвращаемся (стрелка часов — расписание — висит над нами двойным мечом), все раньше отрываем детей от себя для подготовки их к «обществу» (скоро и отрывать не придется — будут производить и выращивать без нашего ведома). И общедоступное высшее образование у нас имеется, но в нем мы потеряли наш образ, потому что в университетах мы стали (нас так много!) просто номерами. Неровен час (хотя жизнь наша и теперь уже запружена фактами и верою в них), — и фантазию вырежут, — тогда будем улыбаться бессмысленной улыбкой всем и каждому (и — никому) от довольства собою и окружающим.

Вырезать фантазию — вырезать стремления, неудовлетворенность и мечту. Было время, когда неудовлетворенность восстала в нас против подавления масс и против пренебрежения сознанием. Но она же восстает теперь против подавления личности во имя масс и против власти сознания. Ответов нет. Есть только вопросы. Ответ — в непрерывности вопросов. Жизнь (и чистота) есть движение, вдох и выдох (выдох был тоже когда-то свежечерпнутой новой струей). Задержать дыхание надолго — значит перестать жить. Отработанное, застой, омертвевший устой подлежит выдоху, уступающему место живой деятельности. Все меняется. Единственно в этом жизнь. Восторжествовать тысячекратно прекрасное, но если это завершение, — конец жизни. Счастье — в свободе устремления, — не в достижении счастья.

Стремление сохранить человека в человеке, борьба против механизации, рационализации, квантитативности, конформизма и регламента явственнее всего отразилась сейчас в исканиях современной кинематографии, искусстве, Замятину чрезвычайно близком. Возможно, потому, что жест, движение, образ рождаются прежде слова (которое еще не отразило метаний нашего времени), или, может быть, потому, что мы отходим от слова, как наиболее сознательного из всех проявлений человеческого творчества. Уход к забытым мирам, пульсирующим тайным своим биением под гладкой оболочкой сознания, все больше заметен у тех, кто отталкивается от перепевов. Фабула, — прежние версты, — умирает. И мы, наверное, наблюдали, что в человеке, в «герое», нас занимает не типическое, не характерное, не индивидуальное, а жадно ловим мы в нем черты, *всем* нам присущие, черты человека, которые приходится постепенно терять. А героями нашими стали не те, что сознательно совершают те или иные «нечеловеческие» подвиги, а те, что прежде были бы заклеяны как — бесхарактерные, — люди, которым ничто человеческое не чуждо.

Мы — на краю. И крик наш — как сохранить человеческое, как оградить личность, и уберечь и оживить это для всех, не для одного себя — для *всех*. Человека человечеству сохранить.

Мы устали от сознания. И после стеклянных стен нам либо окупнуть свой «цивилизированный» взор в желтые глаза зверя... — Что сделать, чтобы не заросла дорога в Древний Дом, чтобы не закрылись навеки певучие его двери? —

Перед нами «Мы» Евгения Замятина. Тут он весь, во всю статью. А с ним — и все мы, все человечество, — сегодня, сейчас, в данное мгновение.

Евгения Жиглевич

Eugene Lyons „Worker's Paradise lost“, издательство Funk and Wagnallis, New York, 1967 (Потерянный рай рабочих)

Автор — прекрасный знаток русской истории и советской действительности. **Шесть лет он пробыл в Советском Союзе как корреспондент и написал ряд книг о Советском Союзе.** В своей последней, здесь рецензируемой книге, автор пишет, что настало время ясно и определенно ответить на вопрос, что принес коммунизм России, действительно ли «советские граждане не должны бояться бедности», ведет ли марксистская теория и практика коммунизма к «истинной демократии, миру и свободе». Вся книга является ясным и обоснованным отрицательным ответом на поставленные вопросы.

Прежде всего автор отмечает, что уже само название «Октябрьская революция» является великой ложью. Это был на самом деле путч маленькой группы, контрреволюция, уничтожившая первую в русской истории демократию. На выборах в Учредительное собрание в январе 1918 года большевики получили только 24% голосов, хотя они уже были у власти. Тогда они расстреляли мирную демонстрацию рабочих, привезшую Учредительное собрание и разогнали само собрание.

Автор наглядно описывает как разные силы русского народа поднялись на борьбу с большевицкой тиранией, но были разбиты, потому что действовали разьединенно, не сумели сорганизоваться. Матросы и рабочие увидели слишком поздно, что их обманули. Матросы подняли уже в 1921 году восстание в Кронштадте, петербургские рабочие спешили по льду к ним на помощь. Но красной армии удалось их разбить и потопить восстание в крови. Расстрелянный позже Тухачевский, который тогда командовал красными частями, признал потом сам: «Это была не битва, а ад. Матросы сражались как дикие звери. Откуда они брали силы для такой ярости, я не знаю. Каждый дом надо было штурмовать отдельно». Это была ярость отчаяния.

Автор рисует первоначальный террор и кратковременный относительный расцвет страны во время НЕПа.

но затем кровавую ликвидацию НЕПа и обман первой пятилетки: только манипуляция цифрами представляла пятилетку как успех. На самом деле помогли спасти расстроенное хозяйство иностранные специалисты — своим русским не доверяли, — а отчасти и западные капиталисты.

Затем идет жуткая глава о коллективизации, искусственно вызванный голод, повальное умирание в деревнях, разгром сельского хозяйства. «В селениях Украины и Кавказа каждое утро вывозили полные грузовики людей, умерших ночью от голода. В Средней Азии трупы людей лежали как поваленные деревья посреди улицы». Неудача колхозного хозяйства осталась неудачей и до сего дня. Даже более наблюдательные иностранные туристы видели запущенные колхозные поля и цветущие приусадебные участки отдельных колхозников. Эти участки составляют только 3% всей земли, но дают стране 60% всего картофеля, 40% овощей, а единственная корова, свинья и несколько овец колхозных семей дают 40% всего молока и 68% мяса. Этими малюсенькими частными хозяйствами кормится страна. Как расцвела бы она, если б колхозная система была, наконец, ликвидирована! Но партия держится за эту негодную систему из идеологических соображений.

Автор указывает на то, как русские не хотели сражаться за Сталина и коммунизм в начале Второй мировой войны, и как Гитлер своей варварской идеологией отбросил русский народ снова в объятия коммунизма. Сталин же вел войну под лозунгом защиты отечества, а не коммунизма. Но обещание, негласно данное партией народу, после войны выполнено не было: снова возобновился коммунистический террор.

Тотально распланированное хозяйство все время хромает то на одну, то на другую ногу. Только в отчетах директоров предприятий все процветает. Об этом курсирует масса анекдотов, автор приводит один из них: ребенок говорит матери: «Мама, мне хочется прочесть сказку». Мать отвечает: «Ну, так прочти последний папин отчет о выполнении плана».

И тем не менее, за границей многие верят, что только плановое хозяйство может привести к успеху. Мнение это возникло в период экономического кризиса на западе в 1929-30 гг. и было, как казалось, снова подтверждено запуском первого спутника. Однако, автор справедливо указывает на то, что отдельных достижений подобного характера легче всего может добиться тоталитарный режим, потому что ему не надо экономить средства: он может выжимать из народа все. «Спутники также мало говорят о состоянии народного хозяйства как и пирамиды о хозяйственной крепости древнего Египта», — пишет автор. Он указывает на то, что через 50 лет советское правительство должно приглашать итальянскую фирму Фиат для постройки автомобильной фабрики, ведутся так-

же переговоры с японскими и французскими фирмами.

Жизнь рабочих тяжела и примитивна, все время не хватает на одного, то другого. С горьким юмором советский рабочий отвечает на вопрос, как ему живется: «Лучше, чем завтра». От знаменитого завтрашнего дня никто уже ничего не ждет. По-прежнему господствует бедность и страх. В это же время советская верхушка, «новый класс» роскошествует.

Иностранцы туристы, пробывшие без знания языка 1-2 недели в Сов. Союзе, заявляют о лояльности советских граждан к советскому режиму. Но само правительство не так наивно, как эти туристы. Оно знает, что «коммунистический режим — это латентная гражданская война между правительством и народом» (Джилас). Автор указывает на ряд открытых восстаний, из которых некоторые прошли совершенно незамеченными на западе: восстания в концлагерях Воркута, Караганда, Норильск, Кинггур, Карабаш и от Тайшета до Сахалина в 1952-1956 гг., в Тифлисе в 1956 г. в Темир-Тау в 1959 г., в Новочеркасске в 1962 г. и в Пскове в 1963 г. Но еще более распространено пассивное сопротивление.

Автор указывает на то, что, если положение писателей после смерти Сталина несколько облегчилось, то гонение на церковь усилилось. Но и писателям ставят жесткие границы: вошло в моду объявлять их сумасшедшими и сажать в психиатрическую больницу.

Хотя миллионы и выпущены из концлагерей, но сотни тысяч еще там сидят. Советское правительство хранит в строгой тайне количество концлагерей в наше время. Согласно показаниям вернувшихся из концлагерей, сейчас еще имеется минимум 225 концлагерей.

Коммунизм остается агрессивным по отношению к другим народам, но многие западные политики верят напевам о «мирном сосуществовании», тогда как в глазах коммунистов этот тезис является только инструментом для захвата власти в других странах.

Но внутреннее сопротивление народов СССР растет. Впереди идут писатели, интеллигенция, студенты. Это сопротивление усиливается, несмотря на растущее число арестов. По всей стране ходит «Белая книга» о процессе Синявского и Даниэля, снова и снова появляются подпольные журналы. «Феникс 1966» обращается к советской власти со следующими словами: «Вы, может быть, еще выиграете эту битву, но вы проиграете войну, — войну за демократию в России».

Сославшись на Алексиса де Токвиля, который говорит, что дурное правительство становится особенно невыносимым, когда оно пробует проводить небольшие реформы, автор заканчивает свою книгу следующими словами: «Ограниченные реформы и уступки народу и его интеллигенции, могут затян timer решительную

борьбу с режимом, но они могут также, наоборот, ее вызвать. Теперешнее шаткое состояние полно напряжения, оно вряд ли может долго продолжаться. В какой-то момент Кремль будет вынужден действовать. Или он должен будет пойти дальше теперешних полумер, провести основательные реформы и подорвать свою монополию, или же он снова вернется к террору.

Так или иначе он поставит на карту свое существование».

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● Театральная группа Русского Студенческого Христианского Движения поставила 29 октября в Париже (Salle de Fete) пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад».

● Постановка Половецких плясок, хореографа и балетмейстера Николая Березова, в связи с премьерой оперы «Князь Игорь» в оперном театре города Цюриха (Швейцария) 2 сентября с. г., была заслуженно отмечена критикой.

● Этим летом сцена венской оперы была почти 3 недели в полном распоряжении нового балета известного русского хореографа Орликовского, так как оперный ансамбль выступал на мировой выставке в Монреале. Орликовский поставил 12 балетных спектаклей, имевших большой успех. В частности в спектаклях участвовали трое знаменитых гастролеров: Рудольф Нуреев, его партнерша Маргот Фонтейн и прима-балерина Светлана Березова. Особое внимание заслуживает выступление Нуреева в главной роли в «Аполлоне» — Баланшина/Стравинского. Фигура Аполлона в исполнении Нуреева получила совершенно новую и крайне индивидуальную интерпретацию.

● Русский женский хор г. Сиднея (Австралия) впервые выступил 6 августа в зале Латвийского клуба. Под руководством регента Людмилы Приклонской хор исполнил в первом отделении концерта «Девы — красавицы» из оперы «Евгений Онегин», «Разгулялись, разливались» из оперы «Жизнь за царя», «Сватушка» из оперы «Русалка». Во втором отделении были исполнены русские романсы и народные песни. Программа закончилась песней «Вдоль по улице молодчик идет». Необходимо отметить, что программа этого первого самостоятельного концерта была подобрана очень удачно и была подчеркнута русская.

● Фирмой граммофонных пластинок «Christophorus Verlag» Фрейбург (ФРГ) выпущена под № 70319 церковная музыка Сергея Рахманинова. Три долгоиграющие пластинки (стоит 60.- немецких марок) содержат всенощную в литургическом исполнении. Песнопения полной всенощной, не имеющиеся у Рахманинова, добавлены из обихода Московского синодального хора. Песнопения исполняются немецким смешанным хором под управлением Карла Линке (Эссен — ФРГ) и мужским хором Collegium Russicum под управлением П. Л. Пихлера (Рим).

● В Русском Доме в Париже 23 сентября состоялся концерт русских певцов. С успехом выступили: певица Жанна Бразина, оперная артистка Тарг, певец Виллиамс. Прекрасно аккомпанировал А. И. Рахманов.

Эта книга написана с редким для западного наблюдателя знанием дела. Мелкие ошибки, вроде указания на обстрел Зимнего Дворца «Авророй» 25 октября 1917 г. (на самом деле был дан только символический холостой выстрел), не снижают большого достоинства книги. Остается только пожелать, чтобы ее прочло как можно большее количество читателей. В. П.

● Русская художница Иза Маргулис прекрасно иллюстрировала только что изданный сборник стихов французского поэта Венуа Лафлеш. Все рисунки выдержаны в сюрреалистическом и абстрактном стиле.

● Художница Нина Бурова выставила свои картины в галерее Галтс в Чатам (США). Частично картины написаны на религиозные темы.

● Русская художница Прохорова впервые выставила свои картины на самостоятельной выставке в галерее «Транспозицион» в Париже. Картины Прохоровой не конкретные и не абстрактные. Одну из картин приобрел город Лион.

● В художественной выставке под открытым небом в Грениу-Вилледж (США) приняли участие свыше 200 художников, среди них — русский художник В. Богданович уже много раз выставлявший свои акварели.

● Русские художественные открытки с репродукциями в красках картин Шишкина, Левитана, Васнецова, Репина, Гермаева, Вилибина и других художников можно получить на складе газеты «Новое Русское Слово». Заказы просят направлять по адресу: Novoye Russkoye Slovo, 243. W. 56th Street, New York, N.Y. 10019, U.S.A.

● Французская пресса сообщает, что в Бельфор (Франция) вернулся молодой русский художник и путешественник Николай Николаевич Мишутушкин, покинувший этот город 14 лет тому назад. Многие французские музеи, в том числе и музей Современного Искусства, организовали выставку его необычайной и по количеству предметов, и по качеству экспонатов коллекции. В частности, очень интересна часть выставки, охватывающая меланезийскую и полинезийскую культуры. В этой области молодым художником проделана большая искусствоведческая работа. Исследования Н. Мишутушкина получили полное признание: в издательстве «Жильяр» выйдет книга, посвященная работе Мишутушкина.

● Доклад на тему «Киевская Русь — весна русского народа» прочитал Сергей Жаба в смещении Русской Консерватории в Париже.

● 22 октября в Нью-Йорке, в Пушкинском зале, состоялся вечер журнала «Грани». В этот раз программа была составлена исключительно удачно. После вступительного слова В. Завалишина следующие русские поэты — эмигранты читали свои стихи: Лидия Алексеева, Ольга Анстей, Николай Арсеньев.

Ноина Белавина, Иван Буркин, Олег Ильинский, Ираида Легкая, Елена Матвеева, Борис Нарцисов, Ричард Янин. Во втором отделении — Владимир Бондаренко, Вячеслав Завалишин, Алла Кторовая и Владимир Самарин прочли отрывки из своей прозы. В третьей части Ольга Анстей и Ричард Янин прочли стихи присланные из России. В заключение Владимир Самарин прочел отрывок из статьи Алексея Добровольского «Взаимоотношение знания и веры», опубликованной в «Гранях».

● 17 ноября в Мюнхене (ФРГ) в помещении русской библиотеки состоялся вечер, посвященный основанию Белой армии 50 лет тому назад в Новочеркаске. С докладами выступали председатель отдела РОВСа в Германии полковник Беляков, Н. Я. Галай и В. М. Кравченко.

● В немецком телевидении 9 ноября сего года в программе «Die Kreml-Runde», посвященном 50-летию Советского Союза участвовал профессор граф Валентин Платонович Зубов. В дискуссии о том, когда Советский Союз экономически и идеологически приблизится к Западу, Валентин Платонович заявил, что это вопрос одного поколения. Когда молодежь сегодняшнего дня займет руководящие посты — сближение с Западом станет действительностью.

● Доктор философии С. А. Левицкий прочел по приглашению прихода церкви св. Иоанна Предтечи в Вашингтоне (США) лекцию на тему «Доказательства бытия Божия в свете современной философии».

● На торжественном акте по случаю 100-летия Иллинойского университета (США), Антонина Николаевна Яковлева и ее сын Владимир Алексеевич Яковлев получили научные степени А. Н. — доктора русской литературы, а В. А. — доктора инженерных наук.

● Протоиерей Георгий Бенигсен выступил 1 октября на собрании союза адвокатов-католиков в отеле «Вальдорф-Астория» в Нью-Йорке с докладом на тему «Брожение в американских университетах в свете христианства».

● Общество «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) этим летом организовало ряд литературно научных докладов. Нам хочется отметить докладчиков: А. П. Недумова — «Церковно-славянские элементы в русском языке» и Н. А. Грачеву — «Три поэта» (Блок, Гумилев и Волошин).

● В обществе «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) были прочитаны доклады: «Экуменизм и сосуществование» — протоиерей о. Ростислав Ган и «О русской женщине» — поэтесса О. В. Софонова.

● 27 октября в Женеве (Швейцария) состоялась прессконференция на тему «Пятьдесят лет преследования религии в мире». Инициатором конференции, обществом «Православное дело», были приглашены не только журналисты, но и представители православной, католической и протестантской церкви. Конференция открыл директор православного информационного центра в Париже протоиерей Александр Трубников. Он указал на необходимость подвести итоги 50-летия преследования религии в Советском Союзе и странах коммунистического блока. В тот же день в православном храме состоялось под председательством архиепископа Антония открытое собрание, на котором были прочитаны следующие доклады: о Ми-

хаил Кастельбажак говорил о преследовании православных в Советском Союзе. Он привел статистические данные о количестве церквей в 1917 г. и в 1967 г. и на основании опубликованных документов, обрисовал истинное отношение советского правительства к христианству. Монашья Франциско Санта Круц и Бахия из Мадрида сделал доклад о преследовании католиков в Испании во время гражданской войны. За сравнительно короткий срок было замучено 12 епископов, и более 6800 священнослужителей, монахов и монахинь.

В своем заключении докладчик указал на то, что преследование религии является составной частью коммунистической доктрины.

Главный редактор газеты «La France Catholique» Лук Бареста проанализировал стремление партии в странах коммунистического блока уничтожить религию. Поэтому мы видим в этих странах наряду с преследуемыми христианами также христиан, превращенных в орудия антирелигиозной власти, используемых для пропаганды в свободном мире. Профессор протестантского богословского факультета Парижского университета, доктор Н. Т. Гофман говорил о преследовании протестантов в Советском Союзе, Прибалтийских странах, Румынии и Венгрии. Особого внимания заслуживает его сообщение о том, что румынская государственная радио-станция передает церковные богослужения. Эти передачи глушатся внутри страны и служат лишь целям пропаганды в свободном мире.

● 4 ноября с. г. в зале «Las Cases» в Париже состоялась собрание, посвященное 50-летней годовщине Октябрьской революции. С главными докладами выступили: А. И. Михайловский на тему «От неограниченной свободы Февраля до безграничного рабства Октября» и Н. А. Струве — «Пятьдесят лет борьбы с Духом». Оба докладчика подчеркнули наличие признаков духовного возрождения в Советском Союзе, которое приведет к спасению России. Во второй части собрания И. И. Туроверова и А. И. Морозова прочли стихи М. Волошина, В. Набокова, Г. Иванова и В. Солоухина. В заключение все собравшиеся стоя пропели «Вечную память» русским людям, погибшим за последние 50 лет.

● Российское Национальное Объединение в Бельгии отметило 20-летие своего существования. После окончания Второй мировой войны в Бельгии был организован Комитет русских общественных организаций под председательством генерала Б. Е. Гартмана. Деятельность Комитета заключалась в защите интересов русской эмиграции, в частности в противодействии ее насильственной репатриации на родину. В 1947 году Комитет преобразовался в Российское Национальное Объединение (РНО). Первым председателем был избран генерал А. П. Архангельский. 30 июля с. г. в Русском Доме в Брюсселе члены и друзья РНО отпраздновали двадцатилетие организации. С докладами и приветствиями выступили: председатель РНО В. В. Орехов, представитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВСа) М. Н. Михайлов, от казачьих организаций — П. М. Маслов, В. П. Битин и А. П. Птушенко. Доклад о положении в Советском Союзе сделал А. Гране.

● В Монреале (Канада) состоялся с 19 по 21 августа с. г. съезд Союза Русских Кадетских Объединений Канады, США и государств Южной Америки. После делового заседания и прочитанных докладов был отслужен благодарственный молебен в Свято-Николаевском Соборе. На парад сводной кадетской роты, состоявшей в большинстве из докторов, профессоров, инженеров и лиц

других профессий, прибыла княжна Вера Константиновна, дочь Великого Князя Константина Константиновича, бывшего начальника всех военных учебных заведений России.

● В День русской культуры в Мельбурне (Австралия) в этом году было прочитано два ценных доклада, о которых необходимо сказать несколько слов:

В. И. Попов указал на пророческие слова историка Ключевского: «Одним из отличительных признаков великого народа есть его способность подниматься на ноги после падения. Как бы не было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, соберет он свои силы и навсегда сбросит чужое иго». В своем докладе В. И. Попов привел ряд примеров, доказывающих абсолютную актуальность приведенной цитаты, написанной много лет тому назад и имевшей в виду свержение татарского ига. Доклад был закончен другим утверждением Ключевского: «Народ, вынесший на своих плечах вековое зло междоусобиц, монгольского ига, лихолетия смутного времени, бунтов Разина и Пугачева и притом создавший ценную культуру мирового значения, — такой народ не может не иметь светлого будущего».

Доклад А. А. Федоровича был посвящен 150-летию со дня рождения поэта Алексея Константиновича Толстого в творениях которого много пророческого. Например:

«... Весь мир желают сгладить,
И тем внести равенство,
Что все хотят загадить
Для общего блаженства».

Или:

«Правда все та же!
Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!»

● 29 августа в Нью-Йорке, в помещении отеля «Вальдорф-Астория», состоялась конференция русских православных клубов Америки. 3 сентября архиепископ Сильвестр Монреальский и Канадский отслужил для участников конференции благодарственную литургию в Свято-Петро-Павловской церкви в Джерси-Сити.

● По радиостанциям WEVD-AM-1330 Ke и FM-97,9 Meg (США) каждую пятницу в 22 часа 30 минут даются передачи на русском языке.

● Воинские организации, объединяющие бывших участников Белого Движения, отметили в ноябре сего года во всем свободном мире 50-летие со дня основания Белой Армии. В этих воспоминаниях особенно подчеркивается роль великого русского патриота — сибирского казака Лавра Георгиевича Корнилова. Сын хорунжего, из крестьянской семьи, Лавр Георгиевич окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Военную академию. К началу войны в 1914 году он командует 48 пехотной дивизией. К концу войны он сменяет Брусилова на посту Верховного главнокомандующего. 22 февраля 1918 года Добровольческая Армия под командованием генерала Корнилова выступает в свой первый поход, получивший в последствии название «Кубанский генерала Корнилова поход», или «Ледяной». 31 марта того же года Лавр Георгиевич Корнилов убит во время подготовки штурма Екатеринодара (ныне Краснодар), занятого красными войсками.

● Донским гимном «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон...» встретили представители казацких станиц Австралии Атамана Всевеликого Войска Донского профессора Н. В. Федорова, прибывшего из США в Сидней (Австралия). После молитвы и благословения Владыки Саввы, атаман Сиднейской станицы Д. А. Дувакин первым приветствовал высокого гостя, подробно описав жизнь донских станичников Сиднея. От имени Кубанских казаков говорил Г. М. Щербина, от имени Власовцев — Г. М. Дитрих от имени бывших участников Белого Движения — И. П. Рождественский, от Союза общественных деятелей и русских скаутов Н. А. Гороховников. Заключительное слово произнес Владыка Савва. В своем ответе Войсковой Атаман, поблагодарив за дружескую встречу, отметил, что за рубежом развертывается большая русская общественная и политическая деятельность, в которой казаки всех войсковых станиц играют активную роль: «Никто из казаков не должен молчать. Надо говорить правду о коммунистах, рассказывать, что представляет собою коммунизм, что он может принести человечеству».

● При Представительстве российских эмигрантов в Америке основан Комитет по защите религии от гонений в поработанных коммунистами странах.

● 8 октября с. г. в городе Бад-Киссинген (ФРГ) состоялось годовое, общее собрание православного благотворительного общества «Братство имени святого равноапостольного Князя Владимира». Цель «Братства» — создание и содержание православных церквей в Германии, оказание помощи русским и православным других национальностей. В настоящее время «Братству» принадлежит 5 церквей находящихся в следующих городах: в Берлине, в Гамбурге, в Бад-Киссингене, в Бад-Наухейме и в Герберсдорфе.

● Объединение бывших кадет Ярославского корпуса отметило в Париже и Каннах (Франция) свой праздник — 17 сентября — ден св. Захария и Елизаветы. Ярославцы, рассеянные по всему миру, не забыли свой старый девиз: «Выше голову, тверже шаг!»

● Эмигрантские организации в Бельгии создали специальный комитет, в который вошли: председатель В. В. Орехов, вице-председатель А. А. Литвинов, казначей — Я. Я. Колдаев, секретарь — О. В. Желябина. Комитет провел собрание, посвященное событиям октябрьской революции и выпуску «Белой книги», которая выйдет в декабре с. г. Собрание, названное «День верности России», состоялось 5 ноября в большом зале католической общины в Брюсселе. Собрание открыл председатель комитета В. В. Орехов, указавший в своем вступительном слове на долг каждого русского патриота бороться за освобождение России. Затем выступили три докладчика: В. К. Муценек с кратким обзором истории России за последние 50 лет, Г. А. Рар — о религиозных преследованиях и М. В. Славинский, о борьбе за свободу творчества в России.

● По случаю 20-летия основания Союза русских офицеров французской службы (а титр этраже), его председатель Б. Б. Егизаров-Норкский, секретарь А. Б. Аракеян, товарищ председателя М. Вазовер, казначей С. Богуславский и священник о. Николай Оболенский посетили французского военного министра Пьера Месмера 20 сентября сего года.

Церемония зажигания священного огня у могилы Неизвестного солдата была проведена членами Союза 18 ноября.

● Владыка Антоний архиепископ Желтосельский и Западно-Европейский руководит организацией «Православное Дело», целью которой является борьба с гонениями на веру и защита и духовная поддержка гонимых. Кружки ревнителей «Православного Дела» успешно работают во многих странах. Одной из задач этих кружков является переписка с верующими в Советском Союзе. Письма в Россию содержат молитвы, проповедь Владыки Митрополита Филарета и духовные беседы, обращенные к православным христианам. Ответы из России подтверждают получение писем и содержат благодарности за духовную поддержку и просьбу молиться за них. Иногда же письма содержат ругань, угрозы и требование прекратить посылку «поповской стряпни».

● Фондом имени П. Н. Краснова приобретен в центральной части города Лейквуда (США) прекрасный участок земли с домом и хозяйственными постройками. В одном из зданий проводится перестройка для нужд амбулатории и врачебных кабинетов. В главном здании будет помещаться зал для собраний и концертов на 500 человек. Для библиотеки собрано уже более 1000 томов. Предвидится также постройка дома для престарелых. Фонд будет выдавать стипендии учащейся молодежи. Все в целом должно стать достойным памятником П. Н. Краснову.

● В Российской секции Военного союза в Баварии, в городе Мюнхене 20 октября состоялось доклад Н. Я. Галая на тему: «О Белом Движении ко дню 50-летнего юбилея Основания Добровольческой Армии».

● 40 лет со дня основания гимназии «Христианского Союза Молодых Людей» в Харбине отмечены Союзом абитуриентов, ныне проживающих в Австралии, специальным выпуском журнала «Друзья друзьям». Юбилейный номер содержит много данных о жизни бывших гимназистов в Австралии.

● Ремонт Русского Дома в Мельбурне (Австралия) обойдется по смете в семь тысяч долларов. Добровольцы из рядов русской колонии Мельбурна, работая по субботам и воскресеньям, снизили стоимость ремонта не меньше, чем на тысячу долларов.

● В парижской газете «Монд» от 5 октября опубликовано выступление председателя «Общества друзей Вердяева», известного французского философа и члена французской Академии наук, Габриеля Марселя в защиту одиннадцати советских интеллигентов, находящихся с февраля сего года в московской тюрьме. Их преступление заключается в том, что они считают себя поклонниками Вердяева. Марсель справедливо замечает, что предстоящий в Москве процесс не уступит по одиозности процессу Даниэля и Синявского.

● При православном русском храме в Буэнос-Айресе на Бразиль 315 построен и прекрасно оборудован зал на 400 посетителей. Зал будет использован для собраний, балов, концертов и т. п.

● Вблизи Нью-Йорка, всего только в пяти милях от известной Фармы РОБА, запланирован «Русский поселок». Предлагаются дома с полным оборудованием за 16.900 долларов и дорожке. Желающие могут осмотреть 4 выстроенных типа. При покупке предвидены закладные с погашением в течение 30 лет. Справки по телефону Code 201462-6122.

● Русский отрывной календарь на 1968 год по старому и новому стилю издание Н. Н. Мартыанова можно заказать по адресу: No-

voye Russkoye Slovo, 243. W. 56th Street, New-York, N.Y. 10019, U.S.A.

● По предложению Центра Русских Белых в Аргентине, русские жители Аргентины в будущем будут в дни аргентинских праздников вывешивать на своих домах кроме аргентинского и русский национальный флаг.

● 1 октября закончился прием студентов в новооснованный институт академика профессора Всеволода Николаева в Нью-Йорке. Преподавание будет пока вестись на следующих курсах: профессор Всеволод Николаев — история русской культуры и древней русской литературы и профессор Вячеслав Завалишин — русская литература 20 века и советская литература. Кроме того при институте будет читаться курс русского языка. На следующий год уже приглашен профессор В. Н. Ильин из Парижа, который будет читать лекции по русской литературе 19 века. Предвидятся курсы литературоведения и лингвистики.

● Парижский округ русской организации молодежи «Витязь» регулярно проводит культурно-просветительные лекции. Из-за большого числа участников эта работа ведется в двух группах. Первой группой руководят председатель В. Ягелло и секретарь А. Зеленский. Второй — председатель А. Федоров и секретарь К. Соколов. Лекции читаются в «Доме белого воина» 5, rue Merimee, Paris XVI. Этой осенью были прочитаны следующие лекции: А. Зеленская — «Горький и его творчество», руководитель НОВ Реннекампа — «Исторический смысл возникновения Витязей», профессор А. Толчибаши — «Народы Кавказа», ст. инстр. НОВ Кочубей — «Столыпин и его реформа», Елена Шмеман — «Пастернак», профессор П. Е. Ковалевский — «Иностранцы о России».

● 2 сентября сиднейский отдел русской юношеской организации «Витязи» отметил годовщину Бородинской битвы выпуском художественно-литературно-музыкального альманаха «Вечная Россия».

● Национальная Организация Русских Скаутов готовит к выпуску в 1969 году большое издание, посвященное 60-летию Русского Скаутского Движения.

Этот юбилейный сборник будет содержать много интересного материала и сведений из истории и жизни русских скаутов, как в дореволюционной России, так и за границей, и будет богато иллюстрирован редкими фотографиями.

Центральный Штаб НОРС Сердечно приглашает всех бывших и настоящих членов нашей дружной семьи русских скаутов присылать свои воспоминания, заметки и старые скаутские издания и фотографии для использования их в юбилейном сборнике.

Все материалы просьба направлять секретарю Центрального Штаба НОРС скм-ру А. М. Вязьмитинову по адресу: Scm. A. M. Viazmitinoff, P. O. Box № 3656, San Francisco, California 94119, U.S.A.

● Супруги К. К. и Н. Н. Троицкие с 1951 года руководят русской школой в Индианополисе (Бразилия). В этом году К. К. Троицкому исполнилось 90 лет.

● «Общество помощи русским детям за рубежом» напоминает о приближении «Дня русского ребенка». За время от 10 августа до сентября собрано 1083,20 доллара. На этот раз нужны будут непредвиденные дополнительные средства, так как в Австралию прибыла

из Китая новая группа многодетных беженцев. Чеки и денежные переводы просят направлять по адресу: Russian Childrens Welfare Society, Inc. 59 E. 2nd Street, New-York 3, N. Y.

● Общество содействия образованию русских детей и молодежи в Мюнхене (ФРГ) и в этом учебном году проводит групповые занятия по русскому языку и Закону Божию. Занятия проводятся один раз в неделю в объеме 2-3 уроков. В программе: Закон Божий, букварь, чтение, письмо, грамматика, история и география России, русская литература, русские народные песни. Преподавание ведут: в Мюнхене — о. Анатолий Древинг, а в Мюнхене-Людвигсфельде — о. Сергей Матвеев. Дети, обучающиеся русскому языку в субботней школе общества освобождаются от уроков по этому предмету.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего русского рассеяния.

ту в немецких гимназиях. Православный Закон Божий признан Баварским министерством образования регулярным предметом. Сообщаемая законоучителем отметка выставляется на свидетельствах немецких школ.

● Под руководством о. Дмитрия Хвостова и Т. С. Петковой и этим летом с успехом прошел детский летний Свято-Владимирский лагерь. 60 детей и подростков провели лето на берегу моря в Бредене вблизи Осенде (Бельгия). Кроме спорта, купания, прогулок и игр для детей, регулярно проводились занятия по Закону Божию, русскому языку и русской истории. С молодежью занимались М. Володимиров, Г. Бубнова, Д. Геринг, Е. Мариман и Л. Дерibas.

● С октября месяца возобновились занятия в четверговой школе при храме Христа Спасителя в Аньере (Франция). Преподают следующие предметы: Закон Божий, русский язык, русская история и пение. В специальной группе занятия ведутся на французском языке для детей не владеющих русским языком.

● В Сан-Пауло (Бразилия) в колледжах св. Владимира и св. Ольги ведется большое дело воспитания русских детей. Хочется отметить несколько фактов: Для русских детей из других городов организованы два интерната имени св. Владимира и св. Ольги. При интернатах русская библиотека. В июне стараниями профессора М. Г. Локса при колледжах был устроен большой концерт, на котором выступали скрипачка Ана Локе Езри, певец Александр Денис, балетмейстер Руслан Гаврилюк с учениками его студии и многие другие певцы и музыканты. Доход от концерта, собравшего много русской публики, поступил в пользу неимущих учеников колледжа. Один бразильский промышленник подарил колледжу инструменты для духового оркестра. Преподаватель музыки Л. Я. Козлов составил из учащихся оркестр и добился уже хороших результатов. Первое выступление оркестра состоится в декабре с. г.

Одновременно с успехом занимается и квартет мандалинистов. В интернате для девочек руководительница матушка Зиновеева подготовила к крещению трех воспитаниц сестер Нину, Ольгу и Лидию, недавно приехавших из Советского Союза. Союз бывших учеников колледжа насчитывает большое число членов и раз в год устраивает бал в пользу неимущих учеников. 28 июля оба колледжа торжественно отмечают день св. Владимира и св. Ольги. В Благовещенской церкви на Ипиранге совершается богослужение, на котором традиционно присутствуют также большое число бывших воспитанников и воспитанниц. В сентябре силами обоих колледжей был поставлен детский спектакль «Золушка», с участием духового оркестра Г. В. Куксина. Спектаклем руководила И. Н. Потовская-Ламберг. Каждое лето (декабрь-январь) устраивается детский лагерь на берегу Атлантического океана. В прошлом году лагерем руководил о. Федор.

● Федор Павлович Вознюк приехал после Второй мировой войны в Бразилию и работал в штате Гойас механиком. Женится и имеет шесть малолетних детей. Этой весной Ф. П. Вознюк заболел туберкулезом и находится в санатории. Именившиеся сбережения уже растрачены. Священник о. Викентий просит желающих помочь русской семье направлять пожертвования по адресу: Rev. Vikenti, Rua Bom Pastor 460, Jpiranga, Brasil.

● В декабре с. г. отмечается сорокалетие со дня освящения православного храма Живоначальных Троицы в Шарлеруа (Бельгия).

● На празднование 350-летия Стокгольмского православного храма собралось много богомольцев из всех скандинавских стран. Кроме русских было много православных датчан и эстонских эмигрантов, освещенных в Швеции. Из Сан-Франциско прибыл архиепископ Иоанн, а из Парижа — епископ Мефодий. После торжественной службы состоялся концерт духовных песнопений с участием хора кафедрального собора в Хельсинки.

● 14 октября, рассеянные по всему свободному миру, казацкие организации отметили день Войскового Праздника — Покров Пресвятой Богородицы. В этот день выборные атаманы приветствовали и поздравили казаков и казачек с величайшим праздником всех казаков.

● Часовня-памятник жертвам трагической выдачи казаков в Лиенце, начатая постройкой в сентябре 1965 года, уже почти готова. Постройка проведена согласно проекту архитектора М. В. Лермонтова. Большую икону Спасителя «Моление о чаше» написал донской казак художник Н. С. Котульский. На постройку было собрано пожертвований на сумму в 6203,48 доллара. Эти деньги уже истрачены. Для окончания постройки еще необходимо собрать всего около 2.400 долларов. Пожертвования просят направлять по адресу: Building Fund of the St. John Chapel, New Brunswick Savings Institution P. O. Box 831, New Brunswick, New Jersey 08903, U.S.A.

● Подготовленное епископом Мефодием паломничество в Святую Землю, четырнадцатое по счету, в этом году, из-за возникшей войны, не состоялось. В сопровождении нескольких лиц епископ Мефодий в конце июля посетил русские монастыри на Святой Земле и передал пожертвования, собранные для восстановления монастырских зданий, пострадавших во время войны.

● По случаю 50-летия со дня основания Добровольческой Армии в воскресенье 5 ноября в Кафедральном Соборе на рю Дарю в Париже был отслужен молебен с поминовением павших, умученных и в мире скончавшихся белых вождей и воинов. В Мюнхене (ФРГ) по тому же случаю молебен был отслужен 12 ноября в Кафедральном Соборе на Сальваторплац.

● Православный русский приход церкви Святых апостолов Петра и Павла в Монреале (Канада) отпраздновал 1 октября свое 60-летие.

● На памятник погибшим руководителям и участникам Русского Освободительного Движения, строящийся на русском кладбище в Ново-Дивееве (Нью-Йорк), собрано 4100 долларов. Необходимо собрать еще 1400 долларов.

● В Канберре (Австралия) скончался на 74 году жизни биолог и историк доктор Сергей Параманов, бывший директор зоологического музея в Киеве. Во время войны он был вывезен германскими властями на работу в Германию, где он и остался. В 1947 году он эмигрировал в Австралию. Здесь он

Начиная с 1968 года «Зарубежье» будет издаваться четыре раза в год, но каждый номер будет содержать 24 страницы, а не как до сих пор только 16.

Редакция

всцело отдался научной деятельности. Из его трудов необходимо отметить: «История русских в неизвращенном виде», перевод и новое толкование «Слова о Полку Игореве», «Русь откуда ты?» и незаконченную работу «Пересмотр основ истории славян».

● В Бриджпорте (США) скончался, бывший русский военный летчик, участник Первой мировой войны и гражданской войны, известный авиаконструктор М. Е. Глухарев. Покойный был до последнего времени управляющим авиационного завода Сикорского в Стратфорде (США). Ему принадлежит ряд изобретений касающихся главным образом конструкции вертолетов.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника.

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30/90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Parkstr. 7, Rgb.